

СЕРГЕЙ БАГРОВ

**ПОСРЕДИ
ВСЕЛЕННОЙ**

ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ

**ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

1984

МИЛО-ДОРОГО

В избе тихо, тепло, пахнет солёными груздями и брусникой. На лавочке возле печи — белолицая, с острым носом старушка. Сидит перед прялкой и навивает на веретёнце бесконечно длинную нить. Такой же длинной была у старушки и жизнь — без малого сто годов.

Из сеней в открытую дверь влетает резиновый мяч. Вслед за мячом врывается пылкий Мишутка. Мишутке скоро семь лет, он в зелёной с погончиками рубашке, на голове непокорный вихор волос.

Мишутка в семье самый младший. У него есть два брата. Старший — Никита. Никита учится в городе. Он восьмиклассник. Зимой бывает дома лишь в дни каникул да в воскресенья. Летом пасёт колхозных коров. Мишутка завидует старшему брату, потому что тот не боится быков, ездит верхом на коне и хорошо управляет лодкой. Но больше Мишутка завидует Броньке, среднему брату, который третью осень ходит в начальную школу и вместе с дружкой своим,

коренастым Гошей, наперегонки бегают на реку. Мишутка тоже хотел бы наперегонки, однако родители не пускают.

Родителей четверо у него: мама — доярка, папа — лесник, молодая бабушка Анна и старая — Александра. Молодая сейчас в огороде выкапывает картошку, а старая, вон, сидит за овечьей шерстью да знай себе ниточки вьёт.

— Поиграй со мной, баба Шура! — просит Мишутка.

Улыбается бабушка старой-престарой улыбкой, пришедшей, казалось, к ней из какого-то давнего века.

— Поиграла бы, золотко, да ни духу не вижу.

Мишутке жалко бабушку Шуру. Он обнимает её за колени.

— А почему не видишь-то, баб?

Старая грустно вздыхает и гладит правнука по головке.

— Третей год бела света не вижу. Глазки померли у меня.

Мишутке не очень понятно.

— Глазки померли, а сама вон живёшь? — спрашивает с заботой.

— Сердце крепкое, значит, — объясняет старушка.

Жизнь истрачена вся, однако берутся откуда-то силы жить, жить и жить. Силы, видимо, от привычки что-нибудь постоянно делать. Без дела нельзя. Без дела она растает, как свечка.

Всю жизнь на крестьянской работе. Её широкие с набухшими венами руки жали рожь от зари до зари, доили колхозных коров, хлеба на овинах сушили, много работали и другого. Даже сейчас, когда по жилам слабо и тихо струится вялая кровь, а глаза ничего, кроме ночи, не видят, руки эти при деле. Скрипит меж ладонями веретёнце. Вертится в пальцах длинная нить.

— Баб Шур, — спрашивает Мишутка, — куда тебе столько ниток?

— А тебе две пары носочков свяжем да ещё перстянки на ручки.

Слышен топот лёгоньких ног. В кухню один за другим вбегают девочки и парнишки. Кто с морковкой, кто с яблоком, кто с игрушечным самолётом.

— Баб Шур, эво сколько гостей! — объявляет Мишутка. — Ты бы нам, как тогда, сказочку наговорила.

Бабушке мило-дорого вспомнить, что когда-то она слышала от своей покойной бабушки Марфы. А слышала она давно, ещё при царе Николае.

— Наскажу, — говорит, — только, чур, мои сказочки не забывать. Вот как станете вроде меня старичками, то и расскажете их своим внукам. То-то они у вас обрадеют...

Уютно в избе. В приоткрытые створки окна гонимый уличным ветром врывается жёлтый берёзовый лист. Он кружится над столом, над спинкой кровати, возле печи и медленно падает бабушке на колени.

— Это было в старое время. Пришёл однажды свататься к двум сёстрам-славницам крестьянский сынок Иван. Сёстры пригожие, не знает Иван, которую взять себе в жёны. Старшая говорит:

— Возьми-ка, Ваня, меня. Я буду тебе золотые полотна ткать.

И младшая обещает:

— А я золотых робёночков стану носить.

Взял Иван младшую. Живут себе поживают. Наступает срок — приносит жена золотого робёнка. Надо обмыть его в бане. Положено это делать няне-старушке. Где такую сыскать? Только Иван об этом подумал, как дверь в хорóмину отворилась, тут няня-старушка и есть. Взяла она золотого робёнка, унесла в огородную баню, помыла его там, понянькала и говорит:

— Перевернися клубком, оборотися волчком.

Прижала робёнка к костлявой груди, села на помело, унеслась под ясное небо, частые звёзды, оставила малого там, а сама воротилась в избушку на куричьих лапах, в которой жила.

В хоромы Ивана она пришла не с пустыми руками. Уворовала в одном крестьянском дворе собачошку, завернула её в платок.

— Вон погляди, — говорит Ивану, — чего жёнка тебе принесла. — И развернула платок.

Иван пригорюнился. Но щеночка выбрасывать не велел. Приказал кормить его и поить.

Через год жена опять золотого робёночка принесла. И опять злая баба-яга в обличье доброй няни-старушки согласилась обмыть его в бане. Обмыть обмыла, но после того

как на своём помеле полетала, вернулась назад уже не с робёночком, а с собачкой.

Почернел Иван от такого несчастья. Что и делать? Забыться решил в крестьянской работе. Направился в лес, нарубить там на зиму дров. Работает день. Отемнело. Пришёл в самодельный шалашик. Поест ещё не успел. Только прилёг, как видит: являются два золотых робёнка. Подступили к столу. А на нём тусок с молоком. Хлебнули поспе-ременно.

— Вроде от маминой коровушки молоко, — улыбнулся один.

И второй улыбнулся:

— От маминой.

Воротился Иван домой.

— Давай, жёнка, пестёрь-короб, ещё пойду в лес.

Снова работает до потёмок. Как звёзды в небе наспели — забрался в шалашик. Дверинку нарочно не заложил. Слышит — шажки. Всё ближе и ближе. И только зашли золотые робёнки, он их обоих в охапку да и в пестерь. Принёс робятёшек домой. Тут подбегают к нему две собачки, которых баба-яга на робёночков обменяла. Говорят человеческими глосами:

— Жди завтра бабу-ягу. Она придёт к тебе в гости и, коли её не накормишь, опять робёночков украдёт.

Чует Иван: собачки-ти не простые. Спрашивает совета:

— Какую еду она любит?

— Свежую рыбу, — говорит старшая собачошка.

— А куда эту рыбу положить?

— В долгую кадцу, — советует младшенькая собачка.

Наловил Иван в реке Сухоне стерлядей, бросил рыбу на дно долгой кадцы. Стал вечера дожидаться. Вдруг листва на деревьях зашевелилась. Ветер пошёл. А по-за ветром видит Иван: ступает высокая, вровень с берёзами няня-старуха.

— В гости, Ваня, к тебе! Чем попотчуеть ноне?

— Стерлядкою, — отвечает Иван и показывает на кадцу.

Няня-старуха воздух выдула из себя — сразу махонькой стала. Залезла в кадцу с ногами. До рыбы, видно, сама не своя. Иван, долго не мешкая, закрыл кадцу еловой

крышкой да ещё и смолой залил. Прикатил кадцу к берегу, пúстил с угора в реку и говорит:

— Вот и плавай теперь на здоровьице вместе с рыбой!

Оставил бабу-ягу на серёдке реки, сам домой воротился, где его дожидались жена, золотые робятки да две собачки. Хорошо стали жить...

Голос древней старушки льётся ласково и тепло, словно пригретый на солнцепёке. Слушают бабушку ребятишки, не доев свои яблоки и морковки. И мнится каждому сказочный лес, хоромы и берег реки, где они нечаянно оказались и увидели то, чего никогда не бывает на свете.

А за окном жёлтый ливень осеннего листопада. Стаи пёстрых синиц. Луна. До чего же луна любопытна! Обхватив голубыми руками свою гололобую голову, молча смотрит в окно, за которым сегодня живёт стародавняя русская сказка.

У РОДНОГО КРЫЛЬЦА

По крестовинам оконной рамы колотит мёрзлый косой дождь. Колотит настойчиво и упрямо, будто кто-то сильно продрогший просится с улицы в дом. Осень. Октябрьская, злая. В утлом сарайчике за оградой, в поникшей черёмухе у крыльца, в длинном ряду старорубленных изб — во всём ощущаешь покорность перед ненастьем.

Бабушка Шура, пригорбясь, как зимняя галка, сидит на тёплом подпёчке, вяжет детскую рукавицу и, чуя рядом Мишутку, поёт:

Гуси-лебеди летели,
Нову баню раскатали,
Прилетели журавли
Да стали складывати.
Горностаюшко поспел
Да нову каменку доспел.
Да ещё два молодца
Пошли в баню париться...

Песен бабушка Шура знает всяких-превсяких. Только слушай её — будет петь день и ночь. Наслушавшись

Мишутка слушает голоса, охватывает глазами зыбкие кочки и ощущает себя богачом: он нашёл сокровище всех сокровищ и хочет его поделить меж людьми — чтоб досталось каждому полной мерой.

МИШУТКИНА ЗВЕЗДА

Летом Мишуткин отец, уходя на покос, обмолвился невзначай:

— Пора ноги на дорогу, покуда заря денежки наши куёт.

Мишутка откинул с лица одеяло.

— Ну что ты, папка! Заря-то вон как далёко! Её на лошади не догонишь. И денежки, значит, не наши.

По большому лицу отца скользнула улыбка.

— Не расстраивайся, Мишуня. Зарю кто догоняет? Никто. Она сама в лужок прибегает. Взмахнёшь, бывало, кошой, она тут и есть, на востреньком так и пляшет. Денежки-ти небось от ранней работы зависят. Чем тяжелее себя намаёшь, тем их больше насобираешь.

Соскочил Мишутка с кровати, схватил отца за пиджак.

— Я тоже хочу денежки собирать!

Отец успокоил:

— Что ж! Это можно. Только надо тебе сперва работу придумать. Чего делать-то ладишь?

Мишутка от радости даже запрыгал.

— На возу с сеном буду сидеть! Сам! Сам! А не Бронька! — назвал среднего брата. — Ты, пап, травы будешь косить, а я их возить на телеге!

Вертоватый, заносчивый Бронька тоже только что встал, в глазах ещё плавает сон. Он старше малого на три года, потому замечает с усмешкой:

— Ты с лошади звезданёшься. Подбирать-то кто тебя будет?

Мишутка в задор:

— Ничего-то не звезданусь! Я буду за вожжи держаться!

— Хе, хе! — засмеялся Бронька. — Вожжами-то надо править. А ты не умеешь.

Наверно бы, вспыхнул сердитый спор, да отец не позволил ему разгореться, поглядев на Броньку с заботой:

— На тебя, Бронислав, вся надежда. Мне-то, вишь, недосуг. А ты свободный у нас. Вот ты править лошадей и научишь...

Вышло так, как сказал отец. На заре вставали братаны. Уходили на пожню и там с нетерпением дожидались, пока отец нагрузит сеном телегу, потом поможет забраться на воз. Отвозили сено к месту замета, сползали, как мурашата, на землю и, открыв от волнения рты, глядели, как взрослые мужики навивали один за другим большие, гладко очёсанные стога. Так и работали весь сенокос.

Но настала дождливая осень. А после и первые холода. Бронька в школу ходил, а Мишутка сидел сиднем дома. От нечего делать заигрывал с Васькой-котом.

Однажды вечером мама с папой явились домой со свёртком. Развернули его — новенькая фуфайка!

— Это тебе, — сказала мама с улыбкой, — за то, что ты летом вставать на заре не ленился.

— И денежки собирал задорно, — добавил отец, — на их-то мы и купили тебе обновку. Сам небось заработал.

Оделся Мишутка в фуфайку, проверил прочность карманов, их глубину, цвет и даже, чем пахнут.

— А я потом, когда лето ещё одно станет, снова буду работать!

— Сено, что ли, возить? — спросил его Бронька.

— Ну ладно, — слегка рассердился Мишутка. — Не маленький я, чтоб за вожжи держаться. Теперь я буду косить колхозный лужок. Ты, папка, косу-то мне изладишь?

— А как же! — весело обещает отец. — Только надо сперва до лета дожить.

Мишутка готов:

— Мне недолго!

И за сеном со мной по снегу поедешь? — спрашивает отец.

— Угу! — улыбается сын.

— Ну и ладно! Считай, что договорились!

На душе у Мишутки весело и задорно. Он подбегает к окну. Оглядывает деревню. На откосах дороги, на крышах, в кустах, огородах серел, умирая, ноябрьский сивенький день. В небесах загорались звёзды — печальные, тихие, словно чей-то таинственный вздох. У Мишутки круто забилося сердце. Показалось ему, что одна из звёзд подмигнула своей рыжеватой ресничкой.

— Пап, — спросил у отца, — звёзды можно настичь?

— Хе, хе! — засмеялся Бронька. — На чём догонять-то будешь? На лошади?

— Ничего не на лошади, — объясняет Мишутка, — на взাপравдашнем самолёте. С крыльями и мотором. А, папа! Можно на нём?

— Можно, Мишуня. Только надо на самом быстром. Уж не хочешь ли полететь?

— Очень, папа, хочу. Вот только вырасту. Тут меня никто не удержит. Чего смеёшься-то, Бронь? Не думай! Я тебя с собой не возьму. Один полечу. Во-он на ту, на огромнейшую звезду, на самую-самую светлую...

Столько радости и азарта в Мишуткиных быстрых словах, что отец, мать, бабушка Анна и Бронька один за другим подходят к окну и глядят на избы родной деревни, над которыми вспугнутой робкой ватагой рассыпались светлые звёзды. Глядят и спрашивают себя: которая же из них всех огромное и светлее?

СИЛЬНЫЕ КРЫЛЬЯ

Мишутка ждёт не дождётся, когда вернётся из школы Бронька. С Бронькой не заскучаешь: он первый мастер на выдумки и проделки. Можно с ним убежать за деревню в берёзы, куда прилетели тетерева, или в ближайший прилесок, а то затеять игру в догонялки.

А в последние дни Мишутка и ждать перестал: устережёт, когда бабушка Анна уйдёт куда-нибудь по хозяй-

ству, и выскочит за порог, чтобы встретить брата где-нибудь по дороге.

На улице тускло. Зимы ещё нет, но и осень последние дни доживает. По голым веткам берёз катятся снежные кольца. Вид у Сухоны хмур. Она застыла лишь по окрайкам. Вода на стрежне темна и дышит враждебно-пугающей глубиной. Играет ноябрь переливом волны, перемётами первого снега.

Мишутка видит, как от деревни к реке в долгополом пальто спускается бабушка Анна. В руке у неё корзина белья. Примостилась она на плоту и под вой студёного ветра копошится над грудой белья — полощет, колотит вальком, старательно выжимает. Мишутка жалеет бабушку. «Холодно ей. Во бы дом на реке построить! Да с горячей печурой! Чтобы не зябли на холоде руки...»

До Мишутки доносятся выплески вёсел. Против старой с расщеплённым верхом берёзы, в редком мельканье снежинок плывёт тупоногая лодка. Перевозчик лопатит вёслами воду. На тот берег спешит, чтоб успеть переправить оттуда людей.

Обратно лодка идёт тяжело. Пассажиры приробели. За крайней избой, из елового перелеска неожиданно выскочил всадник на чёрном коне. Мишутка узнал в нём отца. Отец привстал над седлом, снял фуражку с гербом, помахал над плечом и крикнул тяжёлым басом:

— Э-э, Роман? Водица-та как на серёдке? Послушай! Бунчит не бунчит?

Перевозчик Роман подымает намёрзшие вёсла. Смотрит за борт. Отвечает таким же просторным басом:

— Мо-ол-чит!

Отец осаживает коня.

— Значит, тихая будет зима! Без метелей!

Мишутка метнулся было к отцу. Хотел, чтобы тот прокатил его на коне. Да где там! Отец, зычно гикнув на всё побережье, развернул скакуна и скрылся в хвойных ветвях. И Броньку бы малый, пожалуй, прозеворотил, кабы братан не застрял посреди дороги с поднятым к небу лицом. Журавли! Две тяжёлые серые птицы летели над Сухоной и рыдали. Почему так поздно они? Что их здесь задержало?

— Куда они? — спросил Мишутка у брата.

Бронька предположил:

— В Австралию, видно.

— Это на той стороне Земли?

— На той.

— Эдака даль. Долетят ли?

— Должны.

— Почему ты так думаешь, Бронь?

— У них сильные крылья.

Засомневался Мишутка:

— И сильные могут переломиться.

Бронька поморщился, вспомнив, как в прошлом году в погожий сентябрьский вечер от большого озера летела стая северных лебедей. За деревней, где чернели валы нарытого торфа, а меж ними мерцала вода, птицы решили передохнуть. При посадке лебедь-вожак зацепился за провод и крыло его, хрустнув пером, бессильно повисло.

Поклевали птицы букашек, поплавали, поотдохнули и снова отправились в путь. Лишь белогрудый вожак с печально опущенной головой остался на тихом плёсе. Покружилась над ним ватажка пернатых и с виновато-прощальным криком растаяла в дымке небес.

Кто знает, как сложилась бы дальше жизнь вожака, если бы Бронька не вынул лебедя из воды. Тяжёлую птицу он притащил на пустырь, где накануне был вырыт бульдозером пруд и в нём почти в уровень с берегами стояла вода.

Шёл день за днём. Лебедь плавал в неподвижной воде. Подружился с домашними утками и гусями. Подкармливать птицу готов был старый и малый. Вскоре из города прибыл ветеринар, оказал белопёрому помощь.

В конце октября, когда трава над прудом покрылась морозной солью, появился чужой охотник. Увидел лебедя и сказал:

— Птица так и эдак загинет. Не лучше ли чучело из неё для музея сделать? Красивое чучело выйдет...

Охотника выгнали из деревни, а жители стали думать: как бы спасти белокрылому жизнь? Решили: следить за прудом, высекая на нём для лебедя прорубь. Целую зиму Бронька с Мишуткой, а вместе с ними и вся ребятня пропа-

дали на снежном пруду. Топорами, пешнями, лопатами расчищали во льду окно, бросали лебедю хлеб, скорлупу от куриных яиц, льняные семечки и овёс.

Наступила весна. Растопился пруд ото льда. Лопнули на черёмухах почки. Вольно стало лебедю средь воды. Крыло зажило у него. Каждое утро он стал подниматься, опробовать силы, кружить над всходами озимей.

В первое майское воскресенье Бронька смотрел, как плыла в синем воздухе стая белеющих птиц. Вот она с криком и гомоном встрепенулась, вот, вспугнув домашних гусей и уток, села на пруд, вот окружила лебедя, голова его радостно-радостно закачалась.

Поднималась стая в важном молчании. Впереди с красной ленточкой на ноге летел зимовавший в деревне вожак. Он вёл белокрылых к родимым гнездовьям.

Вот и сейчас, полгода спустя, смотрит Бронька на северных птиц, которые, прошивая грудью холодный воздух, улетают туда, где не бывает морозов.

— Долетят! — говорит убеждённо Бронька. — Долетят, а потом домой возвратятся, потому что их будут ждать.

Мишутка таращит на брата глаза.

— Кто будет ждать?

— Ты, я, вон тот старичок и вообще все хорошие люди.

УДАЛЕЦ

Отец обещал взять Мишутку с собой, как помощника, на лесную поляну, откуда надо было вывезти санный зарод. И слово сдержал.

Сидит Мишутка в санях. Долгое личико разгорелось. Занятно ему из-за широкой спины отца глядеть на большую реку, на кусты и деревья, на бегущий под ноги коня ещё неаезженный путь.

Накануне ярился мороз. Да и сейчас он ярится. Отец говорит, что снегири его насулили. Насулили и скрылись. А мороз ударил кремень о кремень — закаменели

складки дорог, обледенели ручьи и болота, выросли на́морози у рек.

Скрипят копы́лья саней. Холод подганивает коня. Холод сегодня везде. Он забрался на провода, на крыши домов, на деревья, вцепился белыми нитками в гриву коня и даже уселся верхом на рога бледноскулой луны. Опалённый морозом воздух всё тяжелее и гуще никнет к иззябшей реке, и вода сонно мглоет и цепенеет, покрываясь иссиня-серым противнем льда. Пар стоит над землёй. В сумеречных логах собираются стаями волки.

Зато в поле сейчас торжественно и бело. Мишутка спрашивает взахлёб, увидев с краю берёзовой рощи дерево, ветки которого низко согнулись от тяжести розовых яблок:

— Откуда яблоки-то зимой?

Отец сидит в передке саней.

— Это прилётные яблоки. Славно летают! — И, сняв с головы лохматую шапку, делает резкий замах.

Яблоки, как одно, проворно взлетают, порхая в берёзовых ветках.

— Снегири! — узнаёт Мишутка, и сердце его заливают волнение.

Сквозь толстые уши распушенной шапки Мишутка слышит глухую пальбу. Приподнял повыше тонкую шею. Трактор! Увитый холодным паром трактор тащится встречь Воронку. Везёт из соседней деревни, где ферма, ещё не остывший навоз. Отец машет в сторону трактора рукавицей.

— Умножено лето мухами, зима — морозами!

Из кабины, как из чулана, выплывает скуластая голова дяди Кондрата.

— Ну и что? — спрашивает он, остановив на минуту трактор.

Отец показывает на лошадь.

— А вишь, сколь инею-то на гриве!

Усмехается дядя Кондрат:

— Что в инее-то твоём?

Отец с удовольствием объясняет:

— Дак ведь он сулит урожай овсу.

— Какой?

— Да хороший.

— Хо! Хо! — смеётся дядя Кондрат и кивает на сани с навозом. — Урожай-то овсу сулит эво кто!

Отец немного смущён. Но ненадолго.

— Пожалуй, ты прав! — кричит. — Это уже не примет, а суть.

— Какая?

— Земля, что блюдо, сколь положишь, столь и возмёшь.

— Во! Во! Большущее блюдо! — сияет дядя Кондрат и дёргает за рычаг, направляя трактор окраинкой поля.

Надоело Мишутке сидеть в санях пассажиром.

— Ты, папка, хватит, буде, направился! — заявляет. — Мне-ка дай!

Отец, разумеется, уступает. Мишутка держит вожжи в руках. Весело гнать Воронка по зимней дороге. Гнать и слышать бормочущий шёпот. Шёпот растёт от дерева к дереву, и чем дальше плывёт по вершиннику ветер, тем он дремучее и длиннее. И на опушку соснового бора уже наплывает не шёпот, а древний торжественный гул.

Из-под круглых подков Воронка вылетают снежные клочья. Мишутка жмурится, защищая лицо рукавицей.

— Ладно, Михайлушко, — говорит отец, — хватит! Дай-ко вожжи сюда!

Не желает Михайлушко без вожжей.

— Снега я, что ли, боюсь? Да коли хочешь знать, мне со снегом-то даже лучше: не так хоть жарко сидеть.

Попоехал маленько, подвывернул шею назад и спрашивает с лукавцей:

— Скажи, пап, похож я на взрослого хоть немного?

— Как же ты не похож?!

Сыну это и надо.

— Ну а коли похож, дай проехаться одному!

Рад потрафить отец сынку. Сам когда-то удаленьким был. Спрыгнул с розвальней и услышал:

— Пшёл, Воронок! Пшёл, весёлое ухо!

В ногах у коня закружился взметеленный ветер. Костерком сверкнуло колечко дуги.

Промелькнул сеновал, пойма в снежных замётах, ёлка

с ястребом на макушке. Быстрой рысью несётся конь. А Мишутке надо — галопом.

— Ноги! — кричит Воронку. — Ноги-те подымай!

Но случился трясок. Вожжи вырвались и забились. Мишутка кругленьким крендельком покатился назад.

— Тпр-рру! — догадался гаркнуть отец, настигая прыжками сани.

— Чего, Михайлушко, вроде упал?

— Рукавицы-ти слизкие. Каб не они...

На лесной поляне игрушечным белым собором высится сенный зарод. Отец у Мишутки проворный. Вилы с пластами сена словно летают по воздуху. Так бы работать Мишутке!

— Ты, папка, поди-ко, устал?

— С чего?

Мишутка и сам не знает с чего, однако предполагает:

— С того, что ты старый. А старые все устают от работы. А мы, молодые, не устаём. И нам вас надо жалеть, а то вы надсадитесь и помрёте.

— Ну коли так, то, пожалуй, я отдохну. На вот! — отец подаёт сыну вилы. Они тяжёлые и большие, и Мишутка их подымает с кряхтеньем. Однако рад-перерад, что и он, как взрослый мужик, нагружает на розвальни сено.

И вот воз навален горой, затянут ветками и верёвкой. Мишутка подходит к коню, гладит его вороную морду.

— Я, пап, лошадей дюже люблю. Скажи, меня приняли бы в колхозные конюхи?

— В конюхи? А пожалуй. Только ты, как мне помнится, ладил работать на механизме.

Вздыхает Мишутка.

— На механизме — добро и на лошади — любо. Прямо не знаю, где и работать?

— Везде! — успокаивает отец. — Где душа твоя пожелает. Больно добро, когда человек умеет несколько дел. Такие умельцы всюду в почёте.

Серdito урчит под полозьями снег. Конь идёт, тяжело качая боками. Пар дымит от мокрого крупа. Мишутка сидит на возу. Долго сидит. И вот видит в прогале елей, как в зелёных воротах, избы Высокой Горки. А перед ними —

покрытое снегом озимое поле. Показывая рукавицей на озимь, Мишутка с тревожцею замечает:

— Снегу-то навалило толсто́!

— Ага! Хорошо! — отвечает отец.

— Чего уж хорошего, — спорит Мишутка, — ведь снег-то холодный, и хлебушек, значит, замёрзнет.

— Наоборот! Нагреется под снежком, как под заячьей шубой!

Конь, подымая гладкую шею, важно входит в деревню. Возле почты, где пруд, резвятся шнырливые ребяташки. Завидев их, Мишутка требует у отца:

— Дай-ко вожжи сюда. Поскорей! Пусть не думают, что барином еду!

Отец улыбается с пониманием, закидывает вожжи на воз.

— Пшёл, Воронок! Но, весёлое ухо! — кричит Мишутка лихим тенорком и сторожко глядит на ребят: хорошо ли он им замечен?

ПОДСНЕЖНИКИ

Третий день как болеет Мишуткина мама. Утром, поднявшись с постели, малый торопится в горенку-боковушку, чтобы узнать: не поправилась ли она? Открыл дверь и увидел большую и белую, как речной пароход, кровать, а на ней под стёганным одеялом поисксудавшую, бледную маму. Мишутка вздрогнул. Ему померещилось, будто мама сейчас от него уплывала.

— Миша, поди-ко узнай, — попросила слабым голосом мама, — Броня в школу ушёл?

Броня тут как и был. Вошёл в боковушку и заявил:

— В школу сегодня я не пойду!

— Почто же?

— Да как пойду-то я? Ведь ты у нас во-он какая. Надо смотреть за тобой.

Мама хотела ему улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Нет уж, Бронюшко, лучше поди. За мной присмотрит бабушка Анна.

Да и бабушка Шура рядом. И папа взял специально отгул.

— Я тоже буду смотреть за тобой! — подсказал, волнуясь, Мишутка.

— И ты, — согласилась мама.

Броня вышел из горенки, а Мишутка ещё один раз посмотрел на маму, на её опавшее, тоненькое лицо, на глаза, в которых мерцали зелёные точки. Точки вдруг задрожали и, заплывая туманом, растаяли, словно снежинки.

Вошёл папа, высокий, с нахмуренно-тусклым лицом.

— Папа, — Мишутка мотнул подбородком на маму. — Чего с ней? Вроде глядит на меня, а меня не видит?

— Надо ей отдохнуть. Пойдём-ко давай. Не станем мешать.

Они вышли на кухню, уселись возле окна, рядом с бабушкой Шурой, трепавшей куделю, чтоб из неё наготовить льняных крепких ниток. Папа курил, видно было, что он расстроен. Бабушка Анна сходила к маме с лекарством. Вернулась через минуту, лицо у бабушки было спокойнее, чем у папы. Мишутка взглянул на неё с надеждой.

— А она выживёт?

— Как жо! Как жо! — ответила бабушка. — Ещё недельку — и на ноги встанет.

— И улыбаться будет?

— Конечно, конечно.

Мишутка увидел одетого Броньку. Подбежал и тихонько спросил:

— Бронь, скажи: отчего улыбаются мамы?

— Не знаю.

— А ты узнай! — попросил. — Зря, что ли, в школу-то ходишь? Спроси у Елены Платоновны. Она ведь умная. Знает, поди-ко.

Броньке вопрос пришёлся по душе. «Отчего в самом деле?» — думал он, ступая с портфелем по мёрзлым ступенькам крыльца. Вдохнув крепкий морозный воздух, оглядел большой белый двор, прогребённую в рыхлом снегу аккуратную тропку, ворота с калиткой и тесный,

завитый сугробами палисад. В палисаде летом стояли бордовые георгины. И теперь стояли они — независимо, важно, но только в снегу, и их тёмные головы шелестели отжившим веером лепестков.

Непривычно Броньке видеть кого-нибудь из родных в таком, как у мамы сейчас, хвором виде. На уроках он был рассеянным, невесёлым, чувствуя себя так, как если бы с ним должна приключиться какая-нибудь неприятность. Раздавались вокруг голоса. А он, хоть и слушал внимательно, но ничего в свою голову не вбирал. Лишь на последнем уроке нечаянно уловил, что рассказ идёт о цветах, ягодах и деревьях. Лицо его заалело, он встрепенулся и, посмотрев на учительницу, спросил:

— Почему, Елена Платоновна, тётеньки улыбаются от цветов?

Класс хихикнул, однако Елена Платоновна погрозила пальцем и объяснила:

— Цветы — это самый красивый подарок.

Но Броньке этого было мало. Он снова спросил:

— А ягоды тоже подарок?

Елена Платоновна посмотрела на Броньку с досадой, как на опасного шалуна, который хочет нарочно сорвать урок.

— Давай-ко, Броня, не будем на постороннее отвлекаться.

Кое-как дождался Бронька конца уроков. Пришёл домой и, открыв в боковушке дверь, увидел, что мама несколько не изменилась, всё такая же хвора, как и утром.

— Ну как там учёба-та у тебя? — спросила она.

Бронька ответил:

— С учёбой всё ладно.

— С девчонками как? Не дерётесь?

— Всяко бывает.

— А сидите с ними за партами вместе?

— Вместе.

— А ты с кем сидишь, чего-то забыла?

Сын покраснел:

— С Анютой.

— Она красивая?

Сын умоляюще глянул на мать:

— Ну хватит, мама, тебе расспрашивать про любовь. Ты лучше давай поправляйся.

Едва Бронька закрыл в мамину комнату дверь, как на него напустился Мишутка.

— Ну, говори! Отчего улыбаются мамы? Узнал?

— Узнал, да не точно, — замямлил Бронька. — Иногда от цветов, иногда от ягод. Короче, они улыбаются от подарков.

Мишутка оставил брата в покое. Задумался. Посерьёзnel. Проходя через кухню, бесцельно взглянул в окно, где увидел белую изгородь, ватажку кустов и опушку елового леса. И загорелся желанием сделать для мамы подарок, самый красивый, самый необычайный, какой никто никогда ей не делал.

Он взял в коридоре лопату и, выбежав на дорогу, направился в сторону леса. Было холодно, солнце закуталось в облака и было похоже на сивого дедушку в полушубке.

На опушке Мишутка остановился и начал раскидывать снег. Он шёл с лопатой подле деревьев и видел под снегом мятые кустики белоуса. Целый час орудовал он лопатой. Потом отбросил её и стал распахивать снег рукавицей. Пальцы его обхватили мёрзлый тоненький стебелёк, на котором, горя алым, белым и голубым, держался подснежный цветок. А затем и второй цветок обхватили Мишуткины пальцы. И третий. Лишь когда нарвал их букетик, решил возвратиться домой.

Цветы он отдал не сразу. Сначала спросил:

— Почему, мама, взрослые тётки улыбаются от цветов?

— Ох ты, оладышек мой, что ты спрашиваешь такое! Цветы для нас, что для вас, малых деток, игрушки, — ответила мама, передвинув голову по подушке, и Мишутка заметил, как щёки у мамы зарозовели, а в утомлённых глазах сквозь туман засветились зелёные точки. Это была улыбка — слабая-слабая, будто сквозь сон. И Мишутка достал из-под полы фуфайки пёстрый букетик.

Удивилась мама:

— Цветочки?! Пёстренькие?! Зимой? Где ты их взял?

— В лесу! — объяснил предовольный сын. — Они зацвели на мороз, а потом их снегом накрыло.

Мама спросила:

— А ты видел, как их накрывало?

— Видел, но не цветы, а бруснику.

— Значит, ты ягод хотел принести?

— Ягод, — признался сын, — только я их не мог отыскать. Наверно, птицы все ягоды поклевали. Зато цветов там много-премного.

НА СОЛНЕЧНОЙ ВЕТКЕ

В полдень к Мишуткиной маме явилась тётя Наташа, молодая, полная фельдшерица с широкоскулым добрым лицом. Мишутка спросил у неё:

— Скоро вылечишь нашу маму?

— Скоро, — сказала тётя Наташа.

— Ты лечишь только больных?

— Только больных.

— А я какой?

— Это сейчас мы проверим! — тётя Наташа внимательно смотрит Мишутке в глаза, заставляет открыть шире рот, поглубже вздохнуть, вертит его так и эдак.

Мишутка смотрит на трубку, к которой тётя Наташа подставила ухо, слушая его сердце.

— Бьётся? — спрашивает с тревогой.

— Бьётся.

— А как бьётся?

— Спокойно и ровно.

— А это плохо?

— Что ты, маленький! Хорошо!

— Я когда повзрослею, — объявляет Мишутка, — буду, как ты, врачом.

— Нравится разве?

— Угу! Я всем-всем буду делать уколы, чтобы меня боялись!

— Ну, маленький! Лучше тогда тебе быть военным!

— А я и так военный! — Мишутка гладит себя по зелёной рубашке с небольшими погонцами на плечах.

— В сам деле! — смеётся тётя Наташа. — Какой на тебе красивый костюмчик!

— А угадай: кто его мне купил?

— Ну, я, например, не знаю.

— А я тоже не знаю! — признаётся охотно Мишутка и, проводив до порога тётю Наташу, глядит в окошко ей вслед, как идёт она по дороге, одной рукой прижимая к себе саквояжик, другой — защищая лицо от ветра. А чуть подальше, за почтой с трепещущим флагом, где дорога делает поворот, он видит трактор с санями. Трактор везёт с пилорамы воз свеженапиленных брусьев. Кто, интересно, в кабине? Наверное, дядя Кондрат. Мишутка подпрыгивает, точно воробей на солнечной ветке. «Хорошо быть военным! — думает он. — И врачом хорошо! А всех лучше быть трактористом, как дядя Кондрат! Везить на тракторе сено, солому и брёвна да ещё поле пахать, чтобы на поле выросло много хлеба».

В ЗОЛОТЫХ ОЧКАХ

Поздний вечер. Звёзды льют на сугробы меркнувший свет. Морозно. Где-то вдаль с нарастающим рокотом движется трактор. Сумерки погустели, прижались к лапам елей, нависших над длинной поленницей дров.

Крылечная дверь отворилась, и на заснеженный двор в лёгоньком пиджачке выскочил простоволосый Мишутка. Подбежал к поленнице дров, набрал охапку, весело крикнул:

— Морозяга-та, ух!

И вдруг откуда-то сверху кто-то громко передразнил:

— Ухх!

«Померещилось, видно», — подумал Мишутка и снова сказал:

— Ух!

И опять из хвойных потёмнок:

— Уххх!

Мишутка взглянул на деревья и вздрогнул, заметив

два золотисто-зелёных огня. Показалось ему, что огни помещались над чьей-то взлохмаченной бородой. Сердце у мальчика провалилось. Рассыпая поленья, бросился наутёк.

— Бронька! — крикнул с порога. — Я мужика на дереве видел. Страшной-престрашной! Да, кажися, в очках! Леший, наверно?

Брат, пожимая плечами, вышел во двор. Осторожно приблизился к ёлкам и разглядел неясное тёмное существо, смотревшее на него золотыми очками. Развёл ладони по сторонам и хлопнул так, что с ёлки посыпался иней. А вместе с инеем тенью снялась большая лохматая птица. Обернулся Бронька к крыльцу, на котором стоял Мишутка.

— Видел?

— Угу.

— Знаешь, кем он приходится лешему-то в очках?

— Филином, — засмутился Мишутка.

РОГАТОЕ ЧУДО

Огнежно-жёлтое с пышным хвостом и кривыми, как у барана, рогами бежало по снежному полю. Чудо это увидел Мишутка и рассказал родителям и знакомым. Но ему никто не поверил.

Неделю спустя Мишутка снова увидел рогатое существо. И брат его Бронька увидел. Зверь прошёл по белому лугу, замечая свой след широким хвостом. Остановился перед овином, старым пустым помещением с ломаной крышей, где раньше сушили и веяли хлеб. Нашёл лаз под стеной. Прополз туда и затих.

Братаны заторопились. Открыли ворота. Зашли. Разгля-

дели странного зверя. Им оказался пламенно-рыжий матёрый лис. На морде его были не только рога, но и верхняя часть головы барана. Видимо, лис, лакомясь найденными костями, залез мордой в бараний череп слишком глубоко и тот наделся ему на голову, как капкан. Рассмеялись ребята.

— Хитрый зверь, а как глупо попался!

Лис терпеливо ждал, пока его голову освобождали от костяного капкана. А потом под свист, улюлюканье, крики пронёсся по лугу с ветерком. Братья долго смотрели ему вдогонку.

— А он нарочно нам в руки дался!

— Ага! Для того и дался, чтобы мы стащили с него рога!

— Устал их, поди-ко, таскать!

— Устал, да и всех зверей, кроме волка, наверно, перепугал!

ЯГОДЫ НА СНЕГУ

Выстрелы браконьеров вспугнули тетеревов с лесного зимовья, где так много глухих захоронок, сладкой рябины, семечек, почек и шишек, но совершенно не стало безмолвия и покоя. Не к лесу, а ближе к полям, огородам и избам стали держаться птицы. С трёх сторон окружают Высокую Горку берёзы и ёлки. Здесь, под самым боком людей, и отыскала себе приют стая пернатых.

Иногда прибегают к берёзам собаки. Несердито потявкают — и назад. Птицы к ним постепенно привыкли. Привыкли они и к братьям — Мишутке и Броньке. Мало того, полюбили удаленьких пареньков, одетых в валенки и фуфайки. Братаны приходят сюда не с пустыми руками. Сначала носили картошку и хлеб. Но птицы к корму не прикоснулись.

И тогда они стали носить домашнюю сладкую клюкву. Рассыпят ягоды на снегу, отойдут и глядят, как тетёрки с теревами, снявшись с веток, ходят между стволов. Склюют всю клюкву — и снова наверх, на свои обжитые ветки. А братаны тут и мечтают:

- Мы их за зиму всяко приручим!
- Приручим и будем кормить, как куриц!
- Будем кормить с трёх шагов!
- С двух!
- А лучше всего — с ладони!

ЁЛОЧКА

Ночью шумела вьюга, и теперь на лапах елей серебрились снежные серьги. Бронька с Мишуткой, присев на лыжные палки, съехали в Заячий лог. Внизу, за нависью мёрзлых веток увидели пышную в белом копёшку. Удивился Мишутка:

— Глянь-ко, Бронь, сколь этта сена! Откуда оно?

— Это ёлочка, а не сено! — Из-за узкого ремешка, которым был подпоясан, вытащил Бронька топор. От удара ёлочка вздрогнула, сбросила снег, стала стройной и нежно-зелёной.

— Тебе тут скучно одной, — улыбнулся Бронька, засовывая топор, — мы тебя увезём в жилое. Ну-ко, Мишка, бери её за вершинку!

Привезли братья ёлочку. Поставили между кадцей с водой и окном, нарядили с помощью бабушек в клочья ваты, фантики от конфет, шары и орехи. Мать купила три шоколадки и тоже велела развесить.

— Ещё бы деда-мороза, — сказал Мишутка, — хотя бы папка купить догадался.

— Не купит, — заверил Бронька. — Больно дорого стоит. Копит деньги небось на корову...

Отец вернулся домой недовольный тем, что снова надо идти на делянку. Увидев ёлочку, заворчал:

— И так мало места, а тут целая деревина.

Полчаса, пока отец умывался, ел и пил холодное молоко, в комнатах дома стояла строгая тишина. Потом отец встал, поглядел с прихмурцей на ёлку.

— Покуда в делянку езжу, чтоб унести в коридор!

— Но, пап! — взмолились Бронька с Мишуткой.

— Завтра поставим, а не сегодня, — не дал продолжить отец. — Сегодня гости придут. Мешаться тут будет. Захватила полкухни. Негде шагнуть. К двенадцати буду дома. Чтобы к этому часу пол был свободный.

— А потолок? — улыбнулся Бронька.

Отец не понял.

— Что — потолок?

— Потолок тоже, что ли, свободный? — полюбопытствовал и Мишутка.

Отец принял вопрос за глупую шутку, потому ответил с усмешкой:

— Потолок хоть весь занимайте...

Возвратился отец за час до Нового года. Вместе с ним с нарядными жёнами — бригадир, комбайнер и конюх. Все весёлые, в новых валенках, тёплых пальто. Едва в кухню вошли, как навстречу, скользя колечком по строганой палке, прибитой к двум потолочным краям, поплыла по воздуху ёлка.

У гостей округлились глаза.

— Ну, Николай! — сказали отцу. — Ну да ты и шутник! Эт ты специально для нас подстроил?

Отец перевёл глаза на сынков, которые, ухватясь за тесёмки, катали ёлку под потолком, где она продвигалась с кольцом по палке.

— Да это не я! — отец мотнул головой на ребят. — Вон кто придумал. Не велел им пол занимать, дак они — потолок. Чего делать-то с ними, а? Придётся, видно, давать гостинец. На-ко, братья, бери! — И отец, просунув за пазуху руку, вынул оттуда носатого деда-мороза.

С головы до ног охватил ребят радостный трепет.

— А как узнал-то ты, — удивились, — что хотим деда-мороза?

— Да так и узнал, — ответил отец, — что не заметил даве его под ёлкой. А какая ёлка без деда-мороза? Стыдно такую гостям показать.

— Из-за этого ты и велел её вынести в сени?

— Ладно, братья, не будем, — смущённо промолвил отец, — вы меня, вижу, малость перехитрили.

Улыбнулся Бронька.

— А потом мы такую же ёлку на улице смастерим. На длинных-предлинных шестах. Парни будут таскать её на верёвках, а она за ними летать.

— Летать, как взаправдашний самолёт! — добавил Мишутка. — То-то будет забавно! Да-а?

— Ну ещё бы! Ещё бы! — согласен отец. — Больно будет забавно. Особенно если на эту ёлку вас обоих и посадить. Непонятно только: кто отудова будет снимать?

ПРОСУЖАНКО

С утра Мишутка был подрасстроен. Отец не взял с собой в лес, куда отправлялся, чтобы наметить деревья для рубки.

— Братанам можно, а мне нельзя!

— Братаны большие, а ты ещё недорóстыш, — объяснил отец причину отказа. — Замёрзнешь, как воробей!

В глазах у Мишутки настойчивый вызов:

— Ничего не замёрзну! Я — тёплый!

Подошёл отец к сыну. Положил на голову с хохолком большую и круглую, как блюдо, ладонь.

— Ты кто у меня? Просужанко — послушный мужик, хозяйственный. А раз так, то слушайся бабушек. Вредничать коли не будешь, гостинец из лесу привезу.

Мишутка окинул насмешливым взглядом крутой, как яблоко, подбородок отца.

— Опять, поди-ко, еловую шишку?

— Нет, — сказал, подумав, отец. — Привезу я тебе сладостей.

— От кого? От зайчика, что ли?

— Нет, Михайлушко. Не от зайчика. От рябкá привезу.

Дверь, дохнув коридорной стужей, пропустила отца на волю. Мишутка руки — в карманы. Заходил по избе

как барин. Всё знакомо тут, всё своё. Вон ленивый кот Васька, выгнув спину бугром, о бабушкин валенок трётся — просит тёплого молока. Вон и русская печь, из которой в трубу золотой рекой проплывают искры, дым и огонь.

— Бабушка Аня, нельзя, — показывает пальцем на пламя, — нельзя его не пускать-то туда? А то сколько добра пропадает.

— Нельзя. Дымно будет. Глазки заест.

Вскоре Мишутке ходить по избе надоело. Стал одеваться.

— Куда-а?

Мишутка считал себя мальчиком хитрым и любил озадачивать бабушку взрослостью намерений.

— После скажу, как вернусь из поездки.

— На чём поедешь-то?

— Да на санках!

— Под машину не попади.

— А когда попадал?

На улице холодно. По крышам ползут седые волокна. Крик с заулка:

— Мишка! Ты с чúnками? Айда на угор!

И вот с другом своим, круглощёким, крепеньким Сáном, спешит Мишутка за огороды, где овраг, в котором, как полагают оба, наверное, прячутся зайцы.

— Поймать бы! — азартно мечтает Мишутка. — Во бы здорово было! Я бы выучил его разговаривать.

Сано рад поддержать:

— А я бы стал с ним бегать наперегонки. Взрослым буду, знаешь, как пригодится!

— Ты кем хочешь стать?

— Я — моряком, а может, ещё командиром.

— А я силачом!

— Как дядя Паша из Рáменья?! — удивляется Сано. — Мне папка баял, что он чемпион. Подымает руками железо. Он, знаешь, всех, всех сильнее.

Мишутка с ним не согласен:

— Дядя Кондрат и его сильнее. Только ему недосуг подымать железо.

— Пошто?

— Пото, что он подымает колхозное поле.

— Ну, это враки! Поле нельзя поднять!

— Можно! Он трактором подымает. Было поле пустым, а поработает дядя Кондрат, станет хлебным-прехлебным, потому что на нём много вырастет колосков!

Друзья повздорили бы, пожалуй, если бы в этот момент не пришли на угор. Справа — изгородь, слева — сосняк, а впереди, на спуске сугробного лога, — стая кривых суковатых черёмух.

Скрипит под санками снег. Ветер в лицо. Сано сзади, за смолкшим дружкой, глотая ветер, кричит:

— Не боязно, Мишка?

— Ну ладно... Я что... Я бояться-та вовсе не умею! А ты?

Вместе с санками по угору бежит, подпрыгивая и играя, озорной мальчишеский смех. От мороза носы у мальчиков покраснелись. Хорошо кататься на санках! До потёмок бы не ушёл!

Ребята вспомнили о домах, когда саночки накренились, и оба, теряя шапки, полетели куда-то в сумёт. Мишутка кое-как вылез, взглянул на фуфайку и тут же из глаз просверкнули слёзы.

Сано усмешливо замечает:

— А ещё силач!

— Смотри! Из носу кровь! — объясняет Мишутка.

— Больно, что ли? — сочувствует Сано.

— Не... Куфайка-то новая! А уже обмарал!

Идут парнишки назад, к уютным избам Высокой Горки. Пахнет хвойной мукой, которую только что провезли на колхозную ферму. Вдоль заборов, носимые ветром, стелются белые перемёты.

Дома Мишутка мать застаёт. Она с фермы пришла и опять туда же уйти готова. Глаза у матери синие, смотрят ласково.

— Може, со мной пойдёшь? А, работничек? Пособишь хоть коров подоить?

Но Мишутка устал. От штанов и нового ватника стелется пар.

— Не, — отвечает, — я поем да на печку полезу.

И вот Мишутка на печке. Здесь тепло и просторно. От сушёных грибов, что висят на верёвке в двух узких чулках,

пахнет берёзовым лесом. Перед тем как прилечь, предлагает Мишутка коту:

— Давай, Васька, в войну играть. Я — в русского, ты — в фашиста?

Но Васька в фашиста играть не желает. Да вскоре и само Мишутка забыл о войне, с головой погрузившись в сладкий, радостный сон.

Проснувшись, увидел лицо — большое, с круглым, как яблоко, подбородком. Папка! В руке он держал кисть рябиновых ягод, от которых свежело морозом и хвоей.

— Вот тебе и сладкий гостинец!

— От кого?

— От рябкы.

По румяному личику сына плывёт улыбка приветя, открывая до донышка весь его мягкий-премягкий характер.

ПО СОСНОВЫЕ ШИШКИ

От деревни наизволок лёгкой рысцой подымается конь. В санях сыновья лесника: Никита, Мишутка и Бронька. Никита — в вожжах. Он вчера приехал из города, чтоб пожить у себя в деревне до последнего дня январских каникул. Ныне Никита закончит восьмой. Потом он пойдёт в девятый... Что станет делать он дальше — то ли учиться выращивать хлеб, то ли на лошади ездить, то ли пасти деревенских коров, то ли, подобно отцу, следить за порядком в лесном хозяйстве, — покамест не знает. Впереди ещё несколько лет. Времени хватит, чтобы решить. А пока он с большим удовольствием выполняет то самое дело, которое должен был делать отец.

Собирался сегодня Никита ехать по шишки один, да Мишутка с Бронькой пристали: возьми, да и только. Пришлось уступить.

По дороге, визжа высокими стойками волокуш, движется трактор. Всё ближе и ближе. Везёт с лесосеки матёрые брёвна. За рычагами дядя Кондрат.

— Куда, братовъё? — машет масляной рукавицей.

— По сосновые шишки! — кричит Никита.

— Для чего?

— Для семян! — улыбается Бронька.

— Чего делать-то с семенами?

— Сеять лес! — смеётся Мишутка.

— И много засеете?

Братья хором:

— Из каждого семечка по сосне!

Дорога гладко накатана, стелется прямо. Но вот она круто свернула и под навесом хвои сбежала к сугробистой пойме. Река, вся сиренево-белая, тут и там перечерчена стволами вешек. Воронок с гулким храпом хватает воздух — звук такой, будто где-то поблизости рвут половик.

На душе у Никиты задорно. Он глядит с улыбкой на тесные, в высверке синего света куринно-пёрые облака, на овсянно-жёлтое солнце, на прорубь. Почему-то на ум приходит бабушка Шура. Может быть, потому, что в голову лезут загадки, которые старая любит загадывать вечерами, когда семья собирается вместе и Никита с братанами пробует их отгадать. Бежит под копыта коня дорога. А в голове у Никиты бьётся вопрос: по какой дороге полгода ходят, полгода ездят и катаются на коньках? Что за дорога, вся в кривулинах, поворотах и длиной во всю Русь? Ну конечно, речная, с многослойными перемётами, с берегами, где бойкий морозко скачет по зяблым лапам елей да ветер-зимарь водит смычком по струнам самой печальной гитары!

Много запомнил загадок Никита. А братаны его? Никита спрашивает с ухмылкой:

— Два ворона летят — оба на небо глядят?

— Сани! Сани! — отгадывает Мишутка.

Но Бронька его уточняет:

— Полозья саней!

Рад Никита подбросить ещё одну загадушку:

— Посреди долины стояло семьдесят войск. Набежала поруха — все войска, кроме трёх, повалились?

Мишутка смеётся:

— Деревья зимой!

Но Никите этого мало:

— Правильно! Но какие?

Забыл Мишутка, пытается вспомнить, однако Бронька опережает:

— Елка, сосна, можжевельник!

— Это другое дело! — доволен Никита.

Скользя в толчее облаков, как в мятых куриных перьях, солнце всё обвалилось, стало седым, и лучи его отощало и бледно лижут дорогу. Никита примолк. На шершаво-красном лице — передумье. Загадки уже поприелись. Всё же лучшее место и время для них уютная печка да вечер, а не дорога на развальнях среди снега. Однако белые напознани склонов, искристый излом облаков, хвойные ветви, запах мороза ложатся на сердце Никиты чем-то приветливым, чем-то знакомым, и он опять продолжает расспрос:

— Когда выпал первый-то снег?

Братаны кричат вперебой:

— На Октябрьскую выпал!

— На праздник!

— Ну вот и зиме серёдка! — кряхтит Никита по-стариковски.

— Инею вон сколь на ветках! — Бронька, сдёрнув ватную рукавицу, показывает на берег.

Никита встряхивает вожжами.

— Значит, цвет на хлебах будет дивный!

— А сами хлеба? — спрашивает Мишутка.

— А это, брат, от морозов зависит. Чем больше морозов, тем больше хлебов! — объясняет Никита голосом старожилы, которому с детства известны все до единой приметы.

В разговорах время летит незаметно. Намеревался Никита ещё чего-то сказать, да заржал Воронок, остановившись возле делянки.

— Хватит ласы точить! — Никита спрыгнул с саней, надавал коню сена и показал на зимнюю лесосеку с её недоубами и кустами. — Принимайсё за дело!

Братья рассыпались кто куда. В руках по мешку. Золотисто-зелёные шишки всюду: в навалах обрубленных ульев, в недогоревших кострах, среди поваленных сосен, в пружинистых ветках подроста, меж пней, но больше всего их в снегу.

Избродили, изрыли ребята всю лесосеку. По несколько раз возвращались к саням. Высыплют шишки — и снова рыскают между пнями.

Домой братаны засобирались, услышав порывистый ветер, который тащил за собой косогривую свору темнеющих туч. Повалил подзолочённый солнышком снег. Скоро солнышко потерялось, и помрачнело в лесу, а ветер-ненастник стал перекидывать толпы снегов — да с угрожающим свистом, да с завываньем.

Никита достал из кожаной сумки пшеничный пирог, разломил его, подал братанам и, накинув на них бараний тулуп, перебрал поудобнее вожжи.

— А ну, Воронок! Не выда-ай!

Взвизгнули ремни оглобель, и Воронок, напряжись мышцами, тронулся в путь. Рушился снег настолько мохнато и густо, что Воронок из коня вороного сделался пегим, а после седым, потерявшимся в бьющейся мути. Часа три, наверное, он куда-то всё шёл, шёл и шёл. Никита и вожжи расслабил, чтоб не мешать, целиком доверяясь чутью и опыту вороного. И как было радостно вдруг услышать:

— Э-э, демонята! Откудова вы?

Никита узнал деревню Москóвку. Но не узнал человека, кричавшего из ворот.

— Из лесу! — откликнулся он.

— Поворачивай к нам, а то собьётесь с пути!

— Наш Воронок не собьётся! — ответил Никита, правя коня на белевшие по-за деревней фигуры лохматых елей.

И надо же так: непогода утихла в то самое время, когда подъезжали к Высокой Горке. Ветер умчался на юг, уводя за собой ревущие толпы снегов. Снова мир и покой. Снова тишь. Прободав жёлтой плешкой сизую тучу, блеснула луна. Пролаяла на ночное светило собака. Никита скинул с братьев тулуп, показал на луну:

— Сивая кобыла через оконце глядит!

Конь встряхнул головой и крупом, превращаясь из белого в вороного, и, подымая морду к огням деревни, обрадованно заржал. Напахнуло печёным хлебом и густым избяным теплом. Запах жилóго, лай собаки, чья-то спина за окном — всё было таким позабытым и вновь открытым, что братья заволновались.

Воронок, стригая ушами, остановился. Вот и родные хоромы! Братья выбрались из саней. Скорее домой! Там их ждут, там о них беспокоятся, там им рады!

На столе, отдуваясь жаром и паром, стоят кастрюли, кринки и плошки, а среди них, как великий мужик среди подростков, никелированный самовар.

— Ну-ко, работники, живо за стол! — командует мать. Бабушки охают и вздыхают. Отец, закулив, уходит прибрать привезённые шишки и увести на конюшню коня.

Как славно, как распрятно после тяжёлой дороги опять оказаться среди родни! Сидят братаны за длинным столом. Работают ложками и зубами. Подчистили первое и второе. И вот наливаются чаем.

— Телевизор давайте смотреть! — приглашает бабушка Анна. — Началось кино.

Никита с Бронькой идут. А Мишутка не может. Он умаялся пуще всех. Забирается к Ваське-коту. Едва щека прикоснулась к подушке — тут глаза и закрылись и вскоре увидели сон. Сон, похожий на правду. Будто ночью в Высокую Горку явился Морозко и стал пересчитывать доски в заборах, скакать по белым ступенькам крыльца, обивать с проводов лохматые хлопья.

Повязавшись в голубенькую косынку, следила за его озорством луна — глазастая, чистая, молодая, с опущенными до самой земли жёлтыми волосами. А ему нет милей такого надзора! Знай поколачивает дрынком по избяным чердакам, по осиновым пряслинам, по воротам. А к утру, когда над трубами крыш встало белое стойбище дыма, он, запыхавшийся и усталый, спустился к реке. Был он пышнобородый и белый, в бараньем тулупе, с великановой палкой в руке. Оглянулся Морозко на избы деревни, хрустнул надлёдным стеклом и исчез — невидимка.

СТАРЫЙ И МАЛЫЙ

Надоело Мишутке кататься на санках с угора. Направился было домой, да увидел крыльцо нежилого дома, с которого вниз не ступеньки сбегали, а саночный след.

«Давай-ко я прокачусь!» — надумал Мишутка. Съехал раз. Съехал два. Поглянулось. Давай кататься ещё. До того докатался, что не заметил, как к нему подобрался сухой старичок.

— Девочка! — тихо окликнул.

Мишутка встал, уперев в незнакомца прихмуренный взгляд.

— Я не девочка! — сказал с вызовом и обидой. — Я па-рень!

— Не озяб? — на губах старика проиграла хитрая улыбка.

— Не бывало такова! — ответил Мишутка. — Это мам-ка так окулёмала! — И покосился на шаль, крестом покрывавшую всё его тело. — Не давался ей, да она вон какая силачка!

— Хорошо, хорошо, а деревня-то знаешь, как называется?

— Ну, дедушко, ты и смешной! Я ведь скоро в школу пойду. Неужто Высокую Горку не знаю. Да и ты, поди, знаешь! Вон какая большая! Сорок домов, да ещё и начальная школа.

— А люди где? Что-то никак не могу никого разглядеть?

Улыбнулся Мишутка, солидно так улыбнулся, словно прощая деду незнание.

— Да где им быть-то, кроме работы!

— А школьники где?

— Воно, глянь! — махнул Мишутка вязаной рукавицей в сторону белых кустов, на которых висели шарфы, полущалки и шапки. — Тамо угор. — Мишутка вдруг перестал улыбаться, сделался строгим. — Ты кто?

— Я? Я — Рафаил, — ответил старик.

— Откуда эдакой взялся? — продолжил Мишутка расспрос.

Рафаил объяснил, что родом он из Высокой Горки. Но здесь у него ни родных, ни знакомых. И старого дома нет, где он родился и вырос. Все молодые и зрелые годы провёл на чужой стороне, в далёком архангельском леспромхозе, где нажил жену и детей, и вот недавно, выйдя на пенсию, вздумал провести родительский край.

Мишутка, мало чего поняв, кивнул и спросил с нарастающим уважением:

— Дак ты голодный, поди?

— Не, не.

— Врёшь. Вижу. Сам смеёшься, а глаза невесёлые. Пойдём-ко со мной. Я накормлю.

Было что-то хозяйское в твёрдом Мишуткином предложении, и дед отказываться не стал.

Они свернули с дороги и тропкой направились к дальнему дому. Пока шли, Мишутка спрашивал:

— Дедо, а в городах все дома каменные?

— Нет, не все. Деревянных тоже хватает.

— А деревянные где? Посерёдке али по окрайкам?

— В основном по окрайкам.

— А в них кто? Живут бедняки?

— Ну что ты, Ванюша!

— Я не Ванюша! — приосердился Мишутка. — Ванюша-та трус, да ещё и брюхатый. А я Михаил!

— Извини меня, Михаил. Но ты тоже хорош. Разве не слушаешь радио? Телевизор не смотришь? Нет у нас теперь бедняков.

— А где они есть?

Мишутка был любопытен и хотел за одну минуту разузнать обо всём.

— Дедо, — спрашивал он, наверно, в пятнадцатый раз, — а писатели люди смелые?

— Есть и смелые.

— А как их узнать?

— По книгам.

— По самым по интересным?

— По самым правдивым.

В пятистенке, куда они оба вошли, отодвинув вначале засов, было прибранно и уютно. На простёнке меж окон — увеличенный фотопортрет молодого мужчины, а под ним — почётные грамоты.

— Нине Савельевне Одинцовой за трудовые успехи... — начал читать Рафаил, но Мишутка вцепился ему в рукав.

— Мамка моя! Она у-у какая! Всех забила в работе! И меня всё к ней понуждает. Ты, говорит, Михайло, люби

работу, а то в большие люди не выбьешься. А я выбиться-то хочу в комбайнеры, как дядя Кондрат. Знаешь, как здорово хлеб-от на поле убирать!

— Да, да, — согласился дед Рафаил, посмотрев на Мишутку, который разделся и стал растрёпанным, желтоволосым, как облитый солнцем овсяный сноп.

— Значит, ты уже выбиваешься в люди?

— А как?! Работаю!

— Мамке на ферме, поди, помогаешь?

Мишуткины руки полезли было с ухватом в печь — достать оттуда чугуна похлёбки, да замерли вдруг, разжали ухват.

— Ну, дедо, и скажешь! Девка я, что ли? Век свой туда не пойду. Для меня и парнячьей работы хватит!

— А что за работа?

— Да я, дедо, воду на чунках вожу и дрова ещё к печкам таскаю. Норовлю на два дома — на свой и на бабки Матрёны. Бабка-та обезножела в том году, а родни у неё — никого. Вот я с парнями и пособляю.

— Вот оно как, — протянул Рафаил, придвигаясь со стулом к столу, где в большом белом блюде дымилась похлёбка. Дед хлебал её, вспоминая: кто же жил в те далёкие годы в этих хорамах?

Отобедав, он встал и всмотрелся в портрет, по бокам которого рдели бумажные розы. На него глядел светлоусый мужчина, и в нём он признал Епифана, колхозного кузнеца. Портрет был настолько живой, что, казалось, кузнец вот-вот раздвинет руками рамки, выйдет оттуда, сядет за стол и, погладив усы, поведёт разговор.

— Это дедушка твой?

— Дедушко. Только я его не видал. Он погиб на войне.

— А бабушка-то жива?

— У меня их две! Бабушка Шура и бабушка Аня. Шуре скоро вон сто годов, она теперь спит в боковухе, а Аня ушла в магазин по крупу.

Из углов пятистенка уже выползали серые тени. Под печью, вскакивая на шесты, захлопали крыльями куры. Мишутка вдруг встрепнулся, взглянул на стенные часы.

— Пойду воду возить, а то парни уже собрались. А ты, дедо, давай отдыхай. Ночевать-то всяко будешь у нас?

— А родители как твои? Не прогонят?

— Ещё чего скажешь! Они добрые у меня! Живи у нас хоть всё время.

Мишутка оделся в фуфайку и убежал. Рафаил, закулив, стал смотреть в окно на посадки Высокой Горки.

Вечер плыл по земле — просторный и синий. Меж домами сжатая глыбами снега белела дорога. По сугробам торчали головки репея. Ветер гнул их к земле, а они не сгибались. Послышались голоса. От прикрытого крышей колодца, облепив санки с баком воды, торопливо ступала стайка парнишек. Среди них мельтешил и проворный Мишутка.

ЗА ЛЕСНЫМ МЯСКОМ

Понравилось старому Рафаилу в деревне. Уже с неделю живёт. От нечего делать стал с ружьём похаживать в лес. Мишутке тоже хотелось бы на охоту. Да как это сделать? Больно уж сладок сон по утрам. Никак не может рано проснуться. Спрыгнет с кровати, разует глаза, но вместо дедушки Рафаила увидит бабушек Анну и Александру.

— Дедко-то где? — расстроено спросит.

— Да где ему быть! — ответят старушки. — Лепит ногами в лесу дорогу!

Чтоб больше деда не проворонить, начал Мишутка пораньше ложиться. Но толку от этого мало. Вновь просыпал.

Сегодня дед Рафаил вернулся из лесу весёлым. Вдоль просеки, в тесных прогальцах расставил на зайцев петли. Целых двенадцать.

— Будет пожива! — сказал он Мишутке. — Хоть один да косой попадётся. И то слава богу. Боле-то нам ни к чему.

Странно Мишутке:

— Как так ни к чему?

Дед спросил:

— На дармовое, как думаешь, глаза светятся у кого?

Пожал Мишутка губами.

— Не знаю.

— У голодного да у жадного, — объяснил Рафаил. — К дармовому их подпускать опасно, потому как может стрястися беда.

Интересно Мишутке.

— Какая беда?

— Замаются оба. Голодный — брюшиной, а жадный — куричьим зобом.

— А зоб-то откуда?

— Вырастёт от завидок.

— Я ни разу не был голодным, — заверяет Мишутка. — И жадным не буду. Возьми меня завтра с собой!

Дед согласен:

— Пошли.

— Только ты меня разбуди, — просит Мишутка.

Но Рафаил ни в какую.

— Э-э, не-е. Охотник всегда просыпается сам.

Мишутка наморщил в раздумье лоб. Как ему быть? Долго думал. И вот надумал: напиться воды, чтобы та на расвете его разбудила.

Спать Мишутка улёгся первым. И телевизор даром ему. Родители вместе с Бронькой, Никитой и Рафаилом смотрели кино, а он уже видел красивые сны. Снились зайцы. В каждой петле по штуке.

Проснулся Мишутка чуть свет. Соскочил. Мама уже ушла на работу. И отец куда-то ушёл. Рафаил же сидел за столом, ел вчерашнюю пшённую кашу, запивая её молоком.

— Сон-то видел какой! — сообщил Мишутка ему. — Зайцев попало столько, сколько ты петелек понаставил.

— Дай бог, чтобы сон-от твой в руку! — откликнулся Рафаил.

Мишутка спросил:

— А куда будем складывать зайцев?

— Возьмём вещевик!

— А если их будет много? — снова спросил Мишутка. — Изомнутся в вещевике, а то и не влезут?

Рафаил почесал за виском.

— Двенадцать петель — двенадцать зайцев. Могут и в самом деле не влезти...

— А вы возьмите пестерь, — подсказала бабушка Шура. — Ты, Анна, сходи по него. Он, кажисё, висит на сарае.

Бабушка Анна сходила. Забирая пестерь, Рафаил озадаченно хмыкнул.

— Тяжеленько такой носить за плечами. Три версты туда да три и обратно.

— Кабы я был такой же большой, как Никита, — вздохнул Мишутка с досадой, — то не только пестерь, а и тебя бы, дедо, унёс за плечами.

Глаза у деда блеснули весёлым.

— Дело сказал, Михаил! — и подошёл к деревянной кровати, на которой спали Бронька с Никитой. — Вот и сам гражданин — помощник. Э-э, Никит! — Рафаил потянул одеяло. — Ну-ко вставай. Пойдём за лесным мяском! Всё лучше, чем собак-то гонять. А, Никитка?

Никита бормочет сонным баском:

— У меня каникулы. Должен я отдыхать.

Деду не терпится. Хлопает по одеялу.

— Вставай, покуда язык не пришил ниже пяток!

Никита встал, вздыхая и охая. Перекусил кое-чем. Надел старый ватник с большим накладным карманом.

Рафаил подсказал:

— Не забудь взять пестерь!

Никита вздрогнул и рот распахнул, как перед доктором со щипцами.

— Ты чего, дедко? Увидят ведь! Засмеют!

— Давай! — прикрикнул старик вспылчивым голосом человека, с которым лучше долго не спорить. — Никакая краля тебя не увидит. Огородом пройдем.

Никита выше деда на целую голову. Идёт впереди с пестериным жалобным скрипом. Дед за ним, впопыхах да вприпрыжку. А Мишутка в хвосте, рассеивает шажки.

За навьюженным полем — ельник. К нему тропится частый следок, уходящий по просеке меж деревьев. Это дед вчера проходил. Тишина. Сыпучие белые ветви.

Вот и первая затесь. Под ней, как застряв в частоколе берёз, ещё тёплый, споткнувшийся в беге заяц. Дед встаёт на коленки. От азарта дрожат рукавицы.

— Ну-ко, Никит, клади в пестерёк! — говорит, вынимая из петли зайца. — Что бог послал, то и мягонько! — Слова старого Рафаила бегут весело, как играя между собой. — А как-да с каждой петельки по такому предмету!

— Куда с зайцами-то деваться? — басит удивлённо Никита.

— Давай! Я каюсь, что мало петель наставил, а он — деваться куда.

Глаза у Никиты играют лукавцей.

— А коли, дедко, в сам деле двенадцать зайцев поймал? Чего тогда? Раздадим?

Рафаил сердито порхает валенком снег. Взгляд прищуренно-зоркий, какой бывает у мужика, когда у него отнимают богатство.

— Ишь, давалец какой! Сами съедим!

— Дед, у тебя глаза не сыты! — объявляет Никита.

— Сытых глаз не бывает, — ворчит Рафаил, — коль мне не веришь — спроси у Мишутки.

Мишутка не знает, на чью ему сторону стать.

— Я мало жил, — говорит, — в глазах покуда не разбираюсь.

Никита уходит. Пестерь желтеет между стволов. Дед запыхался, вспотел, перестал успевать за парнем.

— Эх! — сокрушённо мечтает. — К моему бы телу да молоденьки ноги! А, Михаил?

Михаил не согласен.

— У меня и молоденьки, да не лучше твоих. Мне бы длинные, как у Никиты...

Под второй затёской — вторая петля. В ней опять попавшийся заяц. Возле зайца — Никита с такой широченной улыбкой, словно скажет сейчас презабавную весть. Наклоняется дед, достаёт прыгуна из петли.

— На-ко-тё ложьтё, робята!

Мишутка спрашивает у деда:

— Почему они все одинаки?

— Потому что заяц — особенный зверь, — разъясняет

старик, — отличить одного от другого человеческому глазу не в силах...

Дед спешит за Никитой. Мишутка — за дедом. Так и идут они друг за другом, от одной затёски к другой. Дед устал уже наклоняться, но в душе доволен и счастлив.

— Ах, ребята, какие предметы! Один одного здоровей...

На последней двенадцатой петле снова белый пушистый заяц.

— Мне бы петелек двадцать, а то и тридцать расставить, — досадует Рафаил. — Ну-да ладно. На первый раз и двенадцати хватит. А, Никитка? Двенадцать зайцев!

В глазах у Никиты играет проказливый блеск.

— По мне довольно и одного...

Снисходителен дед, приветлив.

— Ну-ко, Никитка, дай поглядеть! Каковы они, наши звери?

Дед откинул круглую крышку. Что такое? На берестяном дне, как старик туда ни глядел, лишь один-разъединственный заяц.

— Ну-ко, Михайло, проверь. Сколько их там? Не понимаю.

Михайло взглянул и, увидев внизу одного только зайца, захлопал глазами и изумился не меньше, чем дед.

— Один...

Дед скакнул на коротеньких ножках.

— Караул! Никита! Али растерял?

— Не, — ответил баском Никита, — сколько было, столько и есть.

Разволновался дед, побледнел. И Мишутка надулся, досадуя на Никиту. Но досада прошла, едва Рафаил замахал на брата сырой рукавицей.

— Вон пошто ты от нас с Михаилом вперёд убежал! Одного и того же зайца подсовывал в петли! Да я чёсу тебе задам!

Мишутке сделалось вдруг забавно. Он взглянул на Никиту с тайным каким-то восторгом, как на бесстрашного шутника, который здорово дедушку одурачил.

— До трёх раз прощают! — крикнул Мишутка, всту-

паясь за брата. — А он одінова провинился. Да ещё да́ве ты говорил...

— Что я даве тебе говорил? — потребовал дед.

— А что жадный мается куричьим зобом.

Рука старика потянулась к прикрытому шарфом тощему горлу, словно там, под сухим кадыком, находился выросший зоб. Припомнился старый.

— Бес попутал, — сказал Рафаил и вдруг ощутил, как на сердце его накатила теплынь благодарности к братьям. Они заставили вспомнить его стародавние дни, когда он тоже был молодым и любил посмеяться над каждым, кого забирала житейская жадность. — Вперёд наука, — добавил старик и пошагал за Никитой, на высокой спине которого подплясывал жёлтый пестерь. За Рафаилом, сея шажки, двинулся и Мишутка. За сегодняшний день он как будто бы поумнел. А поумнел потому, что усвоил: жить надо так, чтоб глаза никогда не светились на дармовое.

— Спасибо, дедушко, за науку, — сказал он старому Рафаилу.

— Тебе спасибо, — откликнулся дед, — да вон твоему долгононому братцу.

ГРАЧИ НАД ДОРОГОЙ

В предпоследний день весенних каникул Никита по просьбе отца поехал в город за семенами. И Мишутка поехал. До города двадцать вёрст. Дорога петляет среди лесов. Пахнет мартовским настом, сосульками на ветвях и намерзшими с вечера колеями.

— Глянь! — Мишутка тычет рукой в задорожный кустарник. — Листьев нет, а мохнатенькое висит!

Поворачивает Никита голову на кустарник.

— Это ольха от зимней спячки проснулась.

— А другие деревья ещё не проснулись?

— Нет ещё. Рано. Ждут, когда загалдят прилётные птицы.

— Скоро грач прилетит!

- Прилетит и сядет под вербу.
- Вербa от этого и проснётся?
- Проснётся и вся оденется в козьи серёжки.

Воронок отбивает копытами дробь. Над копытами, на стройных его ногах трясутся-колотятся ба́бки, будто болотные кочки.

Проехали лес. Миновали деревню Московку. Заехали в поле. Мишутка видит средь белого ярко-зелёный, словно обмытый чистой водой, островок.

- Чего такое зелёненькое-то там?

Никита щурится в сторону поля.

- Это калачики вырастают.

- Пшенишные?

- Не-е, ржаные.

- Во бы попробовать их! — смеётся Мишутка.

И Никита смеётся:

- Сколько хошь! Только по осени, не сейчас, после того, как зерно в колосьях зашелушится.

За полем — снежная луговина, дальше — еловая гарь, там — болотце, а за болотцем в редких кустах и строеньицах — пустошь. Дорога подтаяла, стала шипеть и похлупывать под санями.

Под невысоким овражным мостом вырывался из снега ручей. Над ручьём колыхали голыми ветками тонкие вербы. Одна, вся открытая солнцу, была облеплена чем-то белым.

- Проснулась! — гаркнул Мишутка, едва не вывалясь из саней.

Удивился Никита:

- Гляди ты!

- Значит, грач прилетел?

- Значит, грач!

- А где-ка он? Где? Чего-то не вижу?

- А он на талую землю уселся. Вон туда! — Рука Никиты взмахнула к бугру на овраге. Там зеленела притайка. А на притайке махала крыльями тёмная птица.

Проскрежетав по настилу моста, полозья саней набежали на мокрую наледь. Окраина районного центра напоминала большую деревню, в которой вовсю разгулялась весна. Искрились, как соль, подзаборные полосы снега. Перелива-

лись золотом окна. Сияли сосульки. Конь весь лоснился, мерцающая застёжками и ремнями.

Мишутка в городе первый раз. Шмыгает глазами, вертит шейю.

— Вон та машина сделана из чего? — показывает на кран с высокой кабиной.

Никите некогда отвечать, надо править конём, да так, чтоб не съехать санями в канаву или собаку не раздавить. И потому он ворчит:

— Из чего, из чего... Из железа.

Занятно Мишутке. Город был для него неожиданным, как загадка, которую хочется отгадать.

— А этот вон дом из чего? — переводит палец на новую почту.

Никита скуп на слова, отпускает их так, будто с ними на век расстанется:

— Из стекла и бетона.

Повернул Воронку. Ступает в тени деревянных домов, с фигурными дымниками на трубах. Громадные старые тополя. Водосточные трубы с чашами, в них торчат жестяные бутоны звенящих цветов. Прохожий с каким-то смешным существом, привязанным на цепочку. Мишутка и рад бы Никиту не спрашивать, да не может.

— Это чего такое? — глазаёт на странное существо. Никита вздыхает:

— Это — собачка.

— А почему у неё лицо, как у дедушки Рафаила?

— Потому что она бульдог.

— А дедушка — кто?

— Дедушка — старичок.

Озадачен Мишутка. Никита же утомился от многих вопросов и советует малому помолчать. Приосадив Воронку, он направил его к воротам одноэтажной конторы лесхоза.

— Далёко не отлучайсё! — предупредил и, накинув вожжи на угол забора, вбежал на крыльцо.

Слез Мишутка с саней. Подошёл к Воронку, погладил по гриве и, набросав ему сена, стал озиаться по сторонам. Среде домов в верху улицы разглядел пожарную каланчу, на ней когда-то дежурил пожарный.

«Дойду до тудова — и назад». Заковылял Мишутка небойкой походкой. Не успел дойти до каланчи, как навстречу, едва не свалив его с ног, прометнулась свора собак. Одна, кучерявая, с карими глазками, приотсталла. Мишутка нагнулся, начал хватать её за смешной, крендельком свернувшийся хвост, пытаясь его разогнуть, чтобы стал тот прямым, как палка.

— Мальчик! — услышал встревоженный голос мужчины откуда-то со двора. — Не трогай её! Не трогай!

— Но я хочу поиграть! — ответил Мишутка.

— Отойди! — надрывался мужчина. — Она бродячая! Живо укусит!

Но Мишутка в такое не верит.

— На хвосте у собаки зубов не бывает!

— Тогда оцапает!

— И когтей не бывает! — Но всё же Мишутка выпустил хвост, потому что собака, наморщив чёрненький нос, повернула зубастую пасть, из которой вырвалось злое урчанье.

«Хорошо быть храбрым!» — подумал Мишутка, проходя с заносчивым видом мимо забора, за которым стоял кричавший мужчина.

Каланча была старой, круглые стены взлетали отвесно, под полость крыши. «Залезть бы туда! — помечтал Мишутка, остановившись против дверей с заржавелым замком. — Во бы я поглядел! Весь бы город увидел. А может, ещё — и Высокую Горку! А там бы свой дом...»

Опуская глаза, Мишутка одрог — настолько неслышно возник перед ним незнакомый мальчик. Мальчик был долговязый, лет двенадцати, с папироской в руке.

— На, покури.

Мишутка заопасался протянутой папироски.

— Я не хочу! Я не буду!

— Что-о? — долговязый достал из кармана спичечный коробок.

Мишутка сказал:

— Меня заругают.

— А кто узнает? На-ко, соси! — и мальчик воткнул ему в рот папироску, прижёт её спичкой и засмеялся. — Теперь затынись!

Мишутка сердито выплюнул папироску и отвернулся.

— Я тебя не боюсь! — выкрикнул, прыгнув на такую тропку, и что было духу пустился к лесхозной конторе.

Никита укладывал в сани мешки.

— Ты где пропадал? — спросил подбежавшего брата.

— Тамо! — кивнул Мишутка на каланчу и, улыбаясь, хвастливо добавил: — Знаешь, Никит! Я теперь никого не боюсь!

— Это как? — не понял Никита.

— Меня чужой парень ударил!

— И ты не заплакал?

— Нек!

— И драться не стал?

— Нек!

— А что же ты сделал?

— А я убежал!

Никита взглянул на брата с жалостью и упрёком.

— Надо было дать ему сдачи.

— Я бы и дал, да он её не берёт! — нашёлся Мишутка. — Он, знаешь! Он длинный, мне-ка не справиться с ним.

— Говоришь, убежал? — жёстко спросил Никита и, развернув за вожжи коня, уселся рядом с Мишуткой. — А ну, Воронок! Дуй до дому без остановки!

Блеснули мокрые кольца подков. Дунул пружинистый ветер. Стыдно Мишутке и в то же время досадно. Досадно, что он ещё маленький и несильный и очень тихо растёт.

Был бы побольше — неужто бы убежал? Ни за что!

Досада и стыд унялись, перестали малого мучить, едва Воронок повернул на центральную улицу, где посад белокаменных, в два этажа, с полыхавшими флагами зданий, где памятник павшим бойцам, где деревья. Опять Мишутке хочется знать обо всём. Он глядит на окна домов, где живут молодые и старые, удалые и тихие, всякие-всякие люди, с кем ему так бы надо поговорить.

— Может, в гости пойдём? — толкает Никиту в плечо. Тому невдомёк.

— К кому?

— Хоть к кому.

— Но здесь у нас нету знакомых.

— Вот поэтому и пойдём!

— А зачем?

— А затем, чтобы нас чужие люди узнали. И мы узнаем чужих. И тогда мы будем друзьями.

— После, Мишка! Потом! — обещает Никита. — Сейчас недосуг. Дорога, видишь, заводянёла! Но-о, Воронок!

Воронок старается, круто рвётся вперёд. Остаются сзади: окраина города, мост с овражным ручьём, неприютная пустошь, болотце, еловая гарь и большое озимое поле.

В деревне Московке окликают ребят:

— Куда опять ездили, братовьё?

— В город!

— Чего в кулях-то везёте?

— Семена лиственницы и кедра!

— Разве они у нас приживутся?

— А то!

Вороной уносит братьев за крайние избы Московки, где рябовато мерцает залитая светом лесная дорога с двумя колеями от волокуш. Пахнет оттаявшей терпкой корой.

Вокруг, куда взглядом ни кинь, всё знакомое, всё родное. На перелёги, поляны, леса осторожно опустила свои тёплые руки молоденькая весна. Чует эту весну Мишутка и беспричинно смеётся.

— Ты чего? — спрашивает Никита.

— Воздух вкусный!

— А ты знаешь, откуда он?

— Знаю! — сияет Мишутка. — Он из тёплых краёв. Его грачи привезли на крыльях! Вижу! Вижу! Воно их сколь!

Смотрит Мишутка в вечерний прогал весенней дороги. А над прогалом — грачи. Летят и летят.

От шороха крыльев, влажного ветра, проталин и терпкого запаха прели к сердцу Мишутки никнет волнение.

Как это славно, как удивительно хорошо, когда над тобой пролетают весенние птицы!

ВРАЖОК

Мишутке нравится в спорах с отцом одерживать верх. И ещё ему нравится ощущать себя звероловом. Как только паводок в Сухоне унялся, стал умолять:

— Пап, возьми-ко меня с собой! Может, зверя какова сымаю...

О собственном маленьком звере, которого можно кормить и гладить по мягкой шее, Мишутка мечтает с тех пор, как ночами, в сказочных снах, стали являться к нему медведи. Он на них будто ездит верхом. Ребятишки завидуют:

— Нас покатай!

Но Мишутка считает, что это для них опасно.

— Подрастите сперва, — советует. Сам же знай себе ездит на звере — в продовольственный магазин, на почту, на берег реки и даже встречать идущую с пастбища козу.

После таких изумительных снов жизнь Мишутке кажется скучной. Но... пока не выскочит на крыльцо.

Утро! Пахнет молоденькой травкой. С крыльца сами ноги бегут на реку. Там отец. Готовит лодку с мотором, чтоб добраться на ней до кедровых посадок, где станет прорёживать молодняк, освобождая его от сорных осинков.

На реке, тесня берега, лежит дремотное солнце. Лучи скользят по кронам елей, по логам и распадам, сжигая волокна туманов. От опушки соснового бора доносится ранящий крик. Так кричит, попадая в беду, отелившаяся корова.

Мишутка ступает к дощатым мосткам, за ними, скрипя жёстким днищем, качается лодка. Отец запускает мотор. В загорелой руке его узкий кожаный шнур. Дёрг да дёрг — на себя. Пиджак колышется на спине, надувая кривые длинные складки. Воздух взрывается. Рокот, треск, клочья сизого чада. Клочья прыгают по лицу, по залысинам, по разбросанным на большой голове отца светлым соломенным волосам.

— Тебе хорошо, — замечает Мишутка. — Будешь лес разрезать. А мне опять сидеть дома...

Распрямляет отец кражистую спину: дескать, я тебя по-

нимаю, и сочувствую я тебе, да помочь, однако, не в силах. На груди у отца бинокль. Малый просит:

— Ну-ко дай! Вроде зверя увидел!

Отец снимает бинокль:

— Ну кого? Кого там увидел?

— Лося! Во-о плывёт удалина! Пап! — бинокль в тонких пальчиках сына задёргался вниз да вверх. — А вон и второй! Чүтошный-то какой! Как котёнок!

На губах лесника усмешка.

— Третьего-то не видишь?

— Третьего... Нек-ка чего-то... Третий-то, может, уж утонул.

— Ладно, Миша, довольно! — отец швыряет в воду окурок. — Надо будет тебя врачу показать. Пусть проверит твои глаза. А то видишь ты ими как-то неладно.

Мишутка сердится:

— Сам! Сам взгляни, коль не веришь!

Отец послушался. Окуляры привычно ложатся к глазам. На той стороне реки — прошлогодний сухой камыш. Ближе — серая в блёстках вода. Ещё ближе — плывущий куст, а за ним горбоносая морда. Удивился лесник. «В самом деле зверюга. А там и вторая, только впятеро мене». Догадался лесник, что это лосёнок и плывёт он за матерью. Как плывёт? Мордочка то и дело клонится вниз, точно пробует воду: насколько вкусна? «Да ведь он потонет сейчас!» — испугался лесник и почувствовал, как к сердцу его привалила острая жалость.

— Тут меня жди!

Но Мишутка с отцом не согласен. Лезет в лодку.

— Хитрый какой! Кто увидел-то первый?

Лодка, словно вострёный нож, разрезает речное плёсо. Интересуется сын:

— Им чего? Жарко, что ли, в воду-то вдруг полезли?

— От страху жарко всегда бывает.

— А кто их? Волк с берегу-то сгонил?

На Мишутку не вовремя накатило желание задавать один за другим вопросы. До них ли сейчас отцу, когда надо подплыть к лосёнку, чтобы тот не успел напугаться.

Лесник заглушает мотор. Берётся за вёсла. Вырезают вёсла в воде прозрачные ломти. Зверёк всё ближе и ближе.

Мишутка видит, как ушки его поднялись в напряжённой внимательной стойке. Мишутка рукой — за ушко.

— Ай-да, Мишуня! — воркочет отец. — Держи его эдак! Держи!

Руки отца погружаются в воду. Плеск, крихтенье, стук копытец по борту — и лосёнок, вот он, рядом с Мишуткой, на мокрой дощатой решётке. Вид у лосёнка жалкий, смешной и наводит Мишутку на трудные думы. Самому ему, чуёт, не разобраться, потому глядит на отца.

— Лосиха чего за него не вступилась? Неужто нас забоялась?

— Забоялась, — согласен отец, — тебя особенно. Ты вон какой у меня. Отлёт!

Мотор чадит отработанным газом. Треск на несколько вёрст.

Впереди вырастает покатый берег, на котором: кривые перильца, банька, гумно и белая с ломаным верхом берёза.

Лосёнок выходит из лодки, мокрый, тощенький, горбоносый. Мишутка ведёт его за ушко.

— Он совсем как ручной! Вишь! Он меня уже понимает! Я его отпущу. Интересно, куда пойдёт? Всяко за мной.

Отпускает Мишутка ушко. Телёнок стоит на тонких, как палочки, ножках, размышляет о чём-то своём, губы колотятся друг о дружку.

— Вон какой он смирёный! — Мишутка хочет его почесать. Но лосёнок взвизгивает в резвом прыжке. Побежал. Под копытами чавк да чавк.

— Э-э, куда? — рассердился Мишутка.

Лосёнок понёсся к песчаной косе, поскользнулся на камне, встал, подумал секунду и вдруг, прыгнув в воду, поплыл, как на верную смерть, к середине речного плёса.

Мишутка растерянно заморгал, наблюдая за тем, как отец отчаянно бросился в лодку, как настиг в ней зверька и, сторожко взяв из воды, вновь отправился с ним на берег.

— Ну и живо! — смеялся лесник. — От роду, поди, неделя, а вон как стрекнул. Ровно бес!

— Дай, папка! Дай! — потребовал сын. — Я за оба уха буду держать. Никуда уж не утикает.

С надбережного леса, как треск в буреломе, прокатился скорбящий тяжёлый рёв. Лосёнок жалобно промычал, скользко дёрнулся из-под рук, поскакав сломя голову к лесу. У Мишутки в ладонях мокрый пушок — всё, что осталось ему от лосёнка.

— Стой, вражок! — закричал и помчался было вдогонку. Но дорогу загородил улыбающийся отец.

— Теперь уж не остановишь. Мать позвала.

Почесал Мишутка над ухом.

— Зря-то только старались.

— Ничего, — утешил отец, — завтра, может быть, снова зверя какова изловим.

— А что толку? Изловим, а тут опять кто-нибудь его позовёт. Что тогда?

Отец смущённо развёл руками:

— Ей-богу, не знаю.

Мишутка словно этого только и ждал.

— Ну вот, не знаешь, а говоришь! — и посмотрел на отца, пошагавшего к лодке, — на его работную спину, на светло-жёлтые волосы на голове, разбросанные, словно по ветру. «Хороший папка-то у меня! — внезапно подумал. — Вот погоди. Будет там у него получка, выпрошу денег, куплю ему целых два килограмма конфет».

— Папка! — крикнул. — Ты сладкое любишь?

— Люблю! — ответил отец из лодки.

«Не два, а три килограмма куплю!» — решает Мишутка.

УТРО РОДИНЫ

Никто не будил сегодня Мишутку, а встал на рассвете.

...Солнце уже поднялось над домами. Переливая чёрным мерцанием, лоснились пласты свежеспаханной пашни. Слышался рокот. Поле полого спускалось к прилеску, вдоль которого серый от пыли просёлок. Странно Мишутке. На дороге не было никого и вдруг, как из воздуха, вырос прохо-

жий. Был он в соломенной шляпе и босоножках, с короткой седеющей бородой.

— Ты откуда? — спросил прохожий, остановившись против Мишутки.

— Из дому!

— А разбежался, поди-ко, к другу?

— Ещё чего! Друг-от мой Санко воно-ка где! — Мишутка кивнул подбородочком в сторону крыш. — А иду я к дяде Кондрату.

— И далёко идти?

— Вон! — Мишутка снова кивнул подбородочком, но теперь уже в сторону трактора, шедшего с плугом вдоль перелога. — Вишь флажок-то? Его небось запросто не дают. Дядя Кондрат в ту пятидневку бойчее всех поработал!

Улыбнулся прохожий.

— Сам-то трактор водить умеешь?

— Ещё бы те не умею! — Мишутка вдруг приосанился, построжал, отчего стал похож на важного мужика, хорошо отличившегося в работе. — Я в эту осень пойду в начальную школу. А после в училище отпрошусь. Буду учиться на хлебороба.

Трактор, дойдя до дорожных кустов, завернул на круг и, сбавив резко трещащий газ, круто остановился.

— Э-ге! — донеслось из кабины.

Мишутка весело побежал на приветливый зов. Забрался в кабину. Сказал сквозь бормочущий говор мотора:

— Ну-ко сяду к тебе! Пуцай дяденька поглядит!

Трактор шёл, вскрывая пятилемёшником волглую землю. За рычагами его, на коленях дяди Кондрата сидел напрядённый Мишутка. Лицо у него неприступно строгое, как у бывалого хлебороба, решившего всем показать, как он расторопно и ловко умеет работать.

ЖИВОЙ

За лошадьми на колхозной конюшне следит дядя Гриша, широколицый, с тяжёлой челюстью старичище. К нему по утрам и приходит Никита. Возьмёт вороного из стойла,

выведет, оседлает и, вскочив на седло, направит коня тропинкой к прогону, где пастуха ожидает стадо коров.

Сегодня с Никитой оба братана. Бронька, тот хоть и мал, да сноровист. Против него пастух ничего не имеет, всё же умеет ездить верхом. А Мишутка ни разу не ездил.

— Рад бы взять, да будешь обузой, — отказал Никита ему.

Но Мишутка упрям. Сидит на дряблом кряже коновязи в большой милицейской фуражке. Фуражку эту ему подарил дядя Толя, приятель отца, у которого сын работает в городе милиционером. Сидит Мишутка и смотрит печальным взглядом на братьев. А те уже в сёдлах. В руке ремённая уздечка, ноги в верёвочных стремянах. Под Никитой весь обтекаемо-гладкий, литой Воронок, под Бронькой — серый, с лохматым хвостом Луганко.

Проезжают братья мимо Мишутки, не посмотрев на него, словно сидит на бревне коновязи скучный, давно примелькавшийся воробей. Мишутка снимает фуражку, гладит лаковый козырёк. Вновь надевает, чувствуя тяжесть фуражки ушами. Значит, домой. А дома чего?

— Горе нешто какое, сидишь-то, повеся нос? — слышит шмелино-шуршащий басок дяди Гриши.

— Горе, — бормочет Мишутка.

— Нешто хочешь в лужок?

— Ещё бы те не хочу!

— Дак чего расселся-то как статуйко? Братовьё эво где! — Дядя Гриша поднял кряжистую толстую руку, вытянул палец вперёд. — Нагоняй!

— А на чём?

— На коне!

— Али его дашь? — встрепенулся Мишутка, соскакивая с бревна.

— Дам, да такова, что и желай ты свалиться, не свалишься никогда.

Широченная, как калитка, спина дяди Гриши нырнула в проём конюшни. Вернулся конюх оттуда, ведя за узду мохноногого сивого Милиграмма, самого старого из коней. Оседлал его, затянул покрепче подпругу, поднял петли для ног и легко, как сухое полешко, вскинул Мишутку.

— Этта будешь, как на столешне! — похлопал по конской спине. — А захочешь слезти, гаркни братанов — съдут как доброго казака.

Пошагал Милиграмм так спокойно, медленно и лениво, будто иначе ни разу и не ходил. Повёз всадничка к перелеску, куда вёл закрытый жердями коровий прогон. У Мишутки от гордости дух распирает. Жаль, что никто на него не глядит. На мясистой спине коня места много-премного, можно бы даже и полежать, да мешает лука седла.

А погода как на заказ! Небо синее. Солнышко. Тишь.

Вот и влажный прилесок, в котором заросшие вереском старые пни, кусты крушинника и берёзы. Ночью шёл тёплый дождь, и прилесок парит, точно в каждом его прогале испекли длинные противни пирогов и теперь они медленно остывают.

До поймы, где Сухона делает петлю, уже недалёко. Слышен глухой перезвон медных бляшек, словно кто-то скупой и богатый пересыпает ковшами россыпь монет. Это стадо. Мишутка видит его сквозь осинник. А вон и Никита. Воронок его застоялся, рад поразмять затёкшие мышцы и потому резвится под пастухом: встаёт на дыбы, весело ржёт и скачет так споро, что грива его переливается чёрным шёлком.

Чуть подальше от старшего брата и Бронька. Нагнувшись над лукой седла, Бронька гонит коня, отрезая дорогу белой корове, которая хочет отбиться от стада в кусты.

— Вот-ка я! — кричит Мишутка, чтоб братья его увидели и удивились, что он на коне.

Бронька хохочет. И Никита лыбится до ушей, объявляя на всю луговину:

— Во казачина! Сам атаман! Давай-ко сюда! Да галопом! Галопом!

Но Милиграмм давно разучился галопом. Напрасно Мишутка качает уздой, кричит, как ямщик, и пинает коня ногами.

— Ну и клячу мне дал дядя Гриша! — громко ворчит. — Пшёл, Милиграмм! Пшёл, ленивое ухо! Заснул, что ли, там!

И всё же Мишутка доволен. Как-никак почти три кило-

метра проехал верхом, не свалился ни разу и даже вытерпел жёсткость седла.

Никита ему помогает спуститься на землю. Мишутка корячится. Ноги, как деревяшки, ни разогнуть, ни согнуть. Никита участливо смотрит на братца.

— Чего? Ходить разучился?

Мишутка ложится в траву, закрывает глаза козырьком милицейской фуражки.

— Седло-то твёрдое, ровно железо.

— Конюх тоже не догадался! — голос Никиты притворно сердит. — Надо было тебя посадить на подушку! На ней бы летал, как кавказский орёл!

Никита вскакивает в седло. Ему недосуг. Воронок, сбилая копытом головки цветов, скачет к отставшим коровам, дабы подогнать их поближе к реке, где трава кустистее и нежнее.

Никите шестнадцать лет, а выглядит как мужик не только лицом, но и руками, они велики, и уздечка в них кажется маленькой, ненастоящей. Парень второе лето пастёт колхозных коров, и доярки им больно довольны, благо проворен он и сметлив и умеет найти для стада хорошие травы.

Отдыхает Никита лишь в те минуты, когда утомлённое сытостью стадо податливо никнет к земле. Вот и теперь, видя, что все коровы поднаточили о травы зубы, воды в реке напились и улеглись в тени краснотала, он позволяет себе перекур. Подъезжает к густым ивнякам, за которыми скрылись братья, оба сомлевшие от тепла, усталости и безделья. Никита сочувствует им, понимая: слишком малы, чтобы выдержать день на пастушьей работе.

Улёгся Никита, положив голову на седло, которое снял с вороного. Бронька жалуется ему:

— Живот чего-то болит. Поеду домой.

Никита не возражает.

— Валяй! — Он видит, что Бронька здоров, ничего у него не болит. Просто поднадоело, вот и решил отсюда уехать.

Никита лежит, раскинув руки и ноги. Слышит, как за кустом прошуршала трава, скрипнула кожа седла, прозвело удилице и, удаляясь, протопал в деревню Луганко. Никита достал рукой до Мишутки.

— Ты-то домой не хошь?

— Я хочу половить рыбёх!

— Там у коряг, — поднял Никита ногу, показывая на берег, — две удочки есть и банка с червями.

— Сейчас и пойду, — Мишутка уселся. Однако зевнул и снова улёгся в траву. Полежал, поворочался, улыбнулся:

— Ты, Никит, пастухом долго ладишь работать?

— Всё лето, а может, всю жизнь. Нравится мне.

— Мне тоже нравится. Только я, наверно, пойду в трактористы. Как думаешь, примут туда?

— Примут, — сказал Никита, — а не боишься?

— Чего?

— Что мараным будешь ходить?

— Не!

— По мне, — открылся Никита, — дак лучше с машинами век не знаться. Шуму много от них. Да и запах такой, что в кишках всё воротит. То ли дело возле коров...

Пообедали братья хлебом и огурцами. Мишутка пошёл на реку. А Никита остался. Тепло. Распривольно. Щиплют траву долгогривые кони. Уздечки стелются по земле.

Глаза у Никиты распахнуты, смотрят пристально вверх. Оттуда навстречу летит бесконечное синее небо. Летит стремительно, радостно, страшно — вот-вот подомнёт под себя.

Пастух не заметил, как задремал.

Послышался хруст травы и пыхтенье. Никита вскочил и увидел Мишутку, бежавшего от реки с испуганным видом — штанины засучены на коленях, лицо бледное, удочка тащится по земле.

— Кто тебя эдак переменил?

Мишутка дух перевёл и, мигая, сбивчивым голосом объяснил:

— Водяной! За Ступеньками! Я только накинул наживку, а он с экой харей! — Мишутка развёл руками, изображая нечто опасное и большое. — Из омута выскочил — да ко мне! Всё! Думал, в воду затащит!

— Так! — усмехнулся Никита. — Чертяточки заподымали пяточки. А тебе не поблазнило ненароком?

— Видел своими глазами!

— Ладно! Проверю для интереса, — сказал Никита и тут же направился вверх по реке.

Прошёл барашковый перекат, где вода кипела так ярко, что казалось под ней кто-то раскладывал жаркий костёр. Прошёл Ступеньки — глубокое место реки, схожее с лестницей, спущенной с берега в омут. И тут услышал сильные всплески. «Купается кто-то!» — решил и осторожно по-крался.

Остановившись, стал на колени и начал глядеть сквозь ракитник на жёлтую рябь. Вдруг из волны с шумом выпрыгнул крупный оскаленный зверь. Повертелся вокруг себя, нырнул в глубину, взбаламутил подводный ил и, выбравшись на поверхность, затрещал зубами, в них беспомощно дёргалась щучка. «Это же выдра! — понял Никита. — Вот кто Мишку перепугал».

Долго пастух тайлся в кустах, наблюдая за выдрой, как та мутила воду в реке и бросалась вдогонку за рыбой. А когда рассказал об этом Мишутке, тот был страшно разочарован.

— А я-то думал в сам деле встретился с водяным. А тут... какая-то выдра...

Зелёно-матовый тихий день медленно гас, опускаясь в мягкие сумерки лета. От реки, от стада коров на взгорке, от ёлок, качавших тёплой хвоей, навевало успокоением. Вечерело. Солнце кралось сквозь лес, как через тайное зало. Никита повесил на грудь трещётку-барабанку, выбил частую дробь, собирая стадо домой...

Загоняя стадо в прогон, Никита косится на брата. Мишутка ступает тропой, ведя за узду Милиграмма. В седле сидеть не желает. Наездился, видимо, и надолго. Мишутка ведёт себя как-то странно. Фуражку снял с головы и держит её в свободной руке. Да так осторожно и бережно держит, точно лежит в ней что-то живое. «Ежа, поди, поймал», — предполагает пастух.

Но Никита ошибся. В фуражке Мишутка держит дроздёнку. Поймал его у реки, на осиновом косогоре.

Птенец, трепеща пятнистыми крыльями, вился над длинной травинкой, пытаясь сесть на неё. Мишутка тут и прихлопнул его фуражкой.

Никита смотрел на брата с недоумением.

— Зачем?

— Я клетку сделаю. Посажу и буду кормить его червячками.

— Ты злой человек! — объявил Никита.

— Чего-о?

— Сделал дроздика сиротой, а мать его горемыкой!

Мишутка поёжился, вспомнив птицу с белыми бровками над глазами, как та с горьким криком металась с ветки на ветку, провожая его, пока он не вышел с конём из прилеска.

— Куда я его? — спросил виновато.

— Унеси туда, где поймал!

Испугался Мишутка. Снова три километра пешком? И половина из них — перелогом да лесом? Однако спорить с Никитой не будешь. Отдав ему старого Милиграмма, он утомлённо поплёлся назад. Прошёл пару сотен шагов. Обернулся. Никиты со стадом не видно. «Здесь отпущу, среди поля! — решил. — Никто никогда не узнает». И сунул руку с фуражкой промежду жердей, за прогон, за зелёные стебли ячменя. Но птенец почему-то не вылез. Мишутка расстроился не на шутку и, глянув с тоской на пробитый следами копыт отемнелый прогон, направился к лесу.

Со стучащим, как пулемёт, сердцем он шагал среди притаившейся тишины. Шагал, озираясь по сторонам, потому что боялся встретиться с тем, кого ни разу ещё не видел. А когда в лицо пареньку пахнуло речной прохладой, он разглядел знакомый осиновый косогор и вновь положил на землю фуражку. Птенец запищал. И тотчас же из темени леса раздался трещащий взволнованный зов. Потом мелькнула быстрая птица. Цыплёнок подпрыгнул, повис над фуражкой и, непрерывно махая короткими крыльцами, вдруг поскакал на такой знакомый, родной и любимый голос.

И тут Мишутке стало тревожно. Почему-то вспомнилась мама. Она показалась ему настолько далёкой, что до неё никогда, наверно, и не дойти. Птенец попискивал где-то на низенькой ветке, рядом с пятнистой дроздохой. Видно, рассказывал ей про него, про Мишутку, как про огромного доброго зверя, который его похитил, однако плохого не сделал

с ним ничего и даже принёс недоростыша в лес, возвратив перепуганной маме. Мишутка моргнул. Сделалось жалко себя самого. Цыплёнок ласкается в перьях дроздихи. А он? Он — один! Среди отемнелости. Среди леса. «Скорее домой!»

Мишутка решительно побежал. И деревья с ним побежали, словно пытаясь его перегнать. Но ничего у деревьев не вышло. Мишутка рванул как хороший бегун — и деревья отстали.

Малый мчался уже прогоном. Но и здесь вдруг увидел, что жерди прогона стремятся его обогнать и быстрее, чем он, добежать до деревни. Поднажал Мишутка, да так хорошо, что позади остались и жерди.

Запыхался Мишутка, упрел, изнемог. Но когда увидел свой пятистенки, а в нём среди тёмных, на улицу, окон — одно, всё в свету, а в окне — такую знакомую голову мамы, что позабыл про усталость и закричал:

— Мама! Вот он я! Никуда я не потерялся! Живо-ой!

ВПЕРЕДИ ВОЛНЫ

— Аппетиту чего-то не стало, — как-то пожаловалась бабушка Шура, — и еда не худая, а пихаю её, как в постороннее горло. Вот бы рыбки свежей, той бы поела...

Рыбки свежей. А где её взять? Только в Сухоне. Но ловить её — надо время, которого нету ныне ни у Никиты, ни у отца, снабжавших в прошлые годы семью лещами и окунями. Зато у Броньки с Мишуткой времени больше чем надо. Не знают, куда с ним деваться.

— Давай ловить под волной! — предлагает Мишутка. Бронька согласен:

— Давай!

До поздней осени, пока не покроется льдом река, плывут по Сухоне теплоходы. Невдали от Высокой Горки, где один за другим тянутся длинные острова, русло Сухоны вдвое уже, и проходящее судно всегда вызывает прилив и отлив. Отхлынет вода, обнажая коряжины, камни, подводные травы, и тут же на берег надвинутся волны.

В тёплые дни встречать теплоход прибегают шнырливые ребяташки. Сам теплоход пареньков не волнует. Манит сюда их в первую очередь ловля ельцов и плотвиц. Собрётся ватажка из трёх-четырёх, а то и пяти человек. Все бо-сиком, но непременно в трусах и майках, затянутых ремеш-ками. Ремешки для того, чтобы рыба, какую поймают, ни-куда из-под маек не ускользала.

Сегодня день солнечный, тёплый. Ребята вновь собра-лись. Показавшийся из-за мыса двухпалубный пароход за-ставил ребят приготовиться к бегу. Полетели в траву штаны и рубашки.

Бронька прошёлся возле воды с видом усталого жоака, которому надоело повелевать. И Мишутка прошёлся следом за ним с таким же важно-значительным видом.

— Ты, Ванюха, — Бронька кивнул на сонного, с тол-стым брюшком паренька, — со мной побежишь?

— Ага, — согласен Ванюха, — только я, наверно, от-стану.

— Тогда не надо, — вымолвил Бронька и посмотрел на весёлого, тоненького Серёгу по прозвищу Хохотунчик. — А ты?

— Хо! Хо! — засмеялся Серёга, хотя было совсем не смешно. — Я щекотной! Меня вода защекочет! Хо! Хо!

Бронька медленно повернулся к ушастому крепышу в камилавке и длинных, почти до коленок трусах.

— Санко?

— Не, — отказался Санко, — я плавать ещё не умею. Ты лучше с братом моим, как тогда.

— А где-ка он?

— Вон! — Санко взмахнул рукой на угор, откуда бойко спускался скуластенький Гоша с какой-то палкой над голо-вой. Подбежав, Гоша стал всем показывать палку:

— Робя! Я совсем столяром стал! Гли! Валёк какой сде-лал! Мать просила! Я и состряпал! Бельё колотить!

Валёк пошёл по рукам. В общем-то он ничего, можно бельё колотить и таким: в одном месте гладко-прегладко, в другом — ямка из-под сучка, в третьем — гривка торча-щих волокон.

Мишутка, Серёга и Санко валёк похвалили, а Бронька придирчиво улыбнулся:

— Чем строгал-то?

— Рубанком! — гордо ответил Гоша.

— А папка дома?

Гоша насторожился:

— На что он тебе?

— А чтобы лопатку твою топором поправил.

Было бы время, Гоша, не мешкая ни секунды, вступил бы с насмешником в спор. Но пароход подходил, и Гоша, снимая одежду, сказал:

— Побежим до обрывов! Идёт?

До обрывов полкилометра. Причём последняя сотня метров вся из кражей-топляков. Гоша разделся и встал, глядя себя по широким коленкам. Нервно глядя: боялся, а вдруг отчаянный Бронька с ним согласится — и хочешь не хочешь придётся бежать.

Бронька тускло и безразлично обвёл глазами дружка, его толстоухое, с полненьким носом лицо, упругую шейку, крепкую грудь и вдруг презрительно усмехнулся:

— Чего до обрывов! Давай уж до сеновала!

— Давай! — повторил машинально Гоша и побледнел, ибо знал, что нельзя добраться до сеновала: вода там затянута ряской, а под травой бездонный,zybучий ил, в котором в прошлом году утонула корова.

Ребята смотрели на спорщиков с завистью и тревогой. Лишь один Мишутка на них не смотрел. Минуту назад он бесшумно нырнул в ивняки и, теряясь в них, побежал к дощатому сеновалу. Малый знал, что соперничать с братом и Гошей — значит остаться снова без рыбы. А этого он не хотел. Потому и решил бежать там, где не будет ребят. Уж очень хотелось Мишутке добыть для бабушки собственной рыбы.

Пароход поравнялся. Вода отступила в реку. Образовалась сырая терраса. Ребята бросились на неё.

Сзади с грязью, щепками, пузырями рушился пенистый вал. Под ногами мелькнули мелкие рыбки.

Рыхлопузый Ванюха начал их подбирать и тут же был опрокинут. Хохот, визг! Вслед за Ванюхой волна сбивает Серёгу и Санка. Все трое барахтаются в воде.

А Бронька с Гошей бегут. Бронька схватил двух ершей. Колючие, скользкие, они барахтаются под майкой и

неприятно щекочут живот. И Гоша нагнулся за окуньком, зазевавшимся возле коряжки.

Грохочет цепью лодка-долблѐнка. Справа бухают плицы колѐс. Доносится чей-то насмешливый голос. Но ребята его не слышат.

Впереди, мотая сырой головой, несѣтся, не зная усталости, Бронька. Вся крупная рыба ему достаѣтся. Майка торщится бугорком.

Гоша старается обогнать. Обогнал! Бежать по супеси мягко и безопасно. Только следи, чтобы скорость твоя была наравне с пароходной. Чуть посбавишь её — накроет волной.

Волна всё чаще и чаще щекочет по пяткам. Значит, надо быстрее!

Раз уже пять поменялись ребята местами. И снова Гоша летит впереди. Лицо дышит радостью и азартом. Но вот появились коряги, простѣпы с водой и кражи-топляки. Неожиданно Гоша споткнулся.

— Выходим? Ага?

Бронька презрительно фыркнул и повернул вдоль колена реки. Он пыхтел и сопел, проносясь за сырым белоталом, корни его, точно змеи, шипя, выползали из топкой земли. Но дальше бежать чересчур опасно. Вон и ряска уже зеленеет. А там и осока. Бронька вскочил на сосновый топляк.

И вдруг, не веря глазам своим, видит Мишутку. Откуда он взялся? Куда побежал?

Мишутка бежит, выбивая пятками брызги. Под майкой толкнутся лопатки спины — вниз да вверх, вниз да вверх. Голова в напряжённом наклоне. Бронька кричит:

— Не валяй дурака!

Волна настигает Мишутку, ставит его на коленки, но он где прыжком, где вертком обгоняет её. Подбирает первую рыбку. Потом — и вторую. Вязнет правой ногой. Вязнет — левой. Трясёт головой и скачет так неестественно, так ненормально, словно мчится за ним разъярившийся бык. Снова бросается вниз за рыбкой. Бросается вместе с волной.

Бронька напряг сухощавую шею. Он ничего не поймёт. Куда же девался Мишутка?

Слышен рокот волны, с каким она лижет дрожащий кустарник. От парохода доносится смех.

— Миш-ка-а???

Но Мишки словно и не бывало. От мысли, что он запутался в ряске и утонул, Бронька сразу весь ослабел, и к горлу его подкатил комочек удушливой спазмы. Но слабость прошла, как только он бросился к месту беды, и по мокрице угора, по грязной воде, по высокой осоке бежал и бежал. Нырнул он там, где качалась зелёная ряска, и плыл под водой, напряжённо тараща глаза на размывчато-жёлтые тени. Одна из теней показалась знакомой...

На берег они выбредали вдвоём, оба мокрые, жалкие, в жёлтой подводной траве, чем-то похожие на цыплят, попавших под яростный ливень.

Пришёл Мишутка в себя не сразу. А когда приоткрылся — разобрал недовольно-досадливый голос братана:

— Зря-то бежали. Из-за тебя вся добыча ушла в реку. Над губой у Мишутки дёрнулась жилка.

— А мы вернём! Всю вернём, до последней рыбёхи!

— Когда, интересно? — спросил снисходительно Бронька, считая, что братец его пошутил.

Но Мишутка шутить не думал. Он был серьёзен, и в светлых его глазах сияла решительность и отвага.

— Пароход-то вечером всяко пойдёт?

Бронька насторожился.

- Пойдёт. А чего?
- Значит, вечером и наловим. Согласен?
- Согласен. Только, — в голосе Броньки вдруг прозвучала нотка настойчивой просьбы, — только ты больше в рыску не забегай.
- Ладно, не буду тебя пугать, — буркнул Мишутка и отвернулся.

ЛЕТНИЕ ЗАБАВЫ

Мишутка в Броньке души не чает. Готов за ним хоть в огонь, хоть в воду. Подражает брату во всём, потому что хочет когда-нибудь дорасти до Бронькиной славы.

Однако слава у Броньки худая. В редкий день на него нет жалоб. Отец с матерью меж собой: «И в кого он такой? Не парнишка — чистый варяг...» Перемолвились шепотком, а услышала вся деревня. На другой день забыто Бронькино имя. Вместо имени — прозвище.

— Э-э, Варяг, кому щелбанов опять надавал?

— Не ты ли, Варяг, Ондрейчика моего сажал на косую корову?

Надоело родителям слышать жалобы на парнишку. Рассуждают между собой, как бы Броньку остепенить. Рассудили — давать каждый день задание по хозяйству. И вот первое:

— Сегодня воды натаскаешь в кадцы!

Кадцы стоят в огороде. Задумался Бронька: откуда брать воду? Пруд пересох. До реки триста метров, если таскать одному — хватит работы до темноты. «А я из колодца буду!» — настроился Бронька, но тут же смутился, вспомнив: «Вода вон как глубоко. И взрослые охают, когда достают».

Забрался Бронька на изгородь огорода и зорко, птичьи оглядывает деревню. Под сомлевшей листвой берёз две шеренги домов. За ними против конторы на длинном шесте полыхает красный флажок, поднятый в честь Бронькиной мамы, лучшей доярки колхоза. Откуда-то из прогона в коротких с ляпочками штанах выбегает юркий Серёга,

самый хвастливый парнишка деревни. В руке у него сучковатая палка, рубит ею крапиву. Приложив к губам пальцы, Бронька громко свистит. Серёга вскидывает рукой: дескать, слышу и, сунув палку меж ног, мчится на ней по дороге, воображая себя верховым.

Бронька доволен. На чистом и гладком, как свежая репка, лице — хитренькая улыбка. Кого бы ещё позвать? И видит в черёмухах, под качелью раскрасневшегося Мишутку в милицейской фуражке на голове. Мишутке семь с половиной годиков, маловат, слабоват, однако Бронька свистит и ему.

Показались из-за забора братья Гоша и Сано Рычковы, коренастые крепыши с оттопыренными ушами. В братьях Бронька тоже нуждался, особенно в Гоше, который умеет колоть дрова и лазать по самым высоким деревьям. Потому и для них повторяет свой свист, спрыгнув с изгороди на землю.

«Хватит нас», — полагает Бронька, увидев себя окружённым стайкой ребят.

— Чего, Варяг, делать-то будем? — спрашивают его. — Может, в лес по грибы! А то в города поиграем: Вологду и Архангельск?

Но на уме у Броньки другое.

— Вёдра несите из дому! — говорит. — Пойдём на колодец.

Предложение необычно, оттого ребятам оно и любо. Сверкая пятками, бросились по домам. Обернулись за три минуты. И вот, оглушая деревню ведёрным визгом, бойко спешат за Бронькой к колодцу.

В глубине покрытого зеленью сруба мрачно блещет вода. От неё отдаёт сонным холодом подземелья. Ведро, гремя колодезной цепью, выбивает глухие всплески и ныряет в чёрный квадрат. По торцам деревянного ворота две железные рукоятки. Попарно крутят ребята. Бронька, как наиболее сильный и ловкий, принимает вёдра с водой. Но вскоре устал. Заставляет сменить себя Гошу. Но и Гоши хватило на три ведра. Обжигает Бронька взглядом Мишутку.

— Теперь ты! — тыкает пальцем в околыш его милицейской фуражки.

Мишутка краснеет. Он самый махонький, самый слабый.

— Да ему не поднять! — усмехается Сано.

Но Мишутка ступает к срубу. Вот и ведро. Оно мерцает сырыми боками, скользит меж ладоней, и так тяжело, что Мишутка не может стронуть его даже с крюка. Поднимает глаза. В них — растерянность и досада.

— Ну кто? Кто говорил? — артачится Сано и бросается смело к ведру. Подтянул его к стенке сруба и давай для чего-то вертеть, точно было оно горячим. До того довертел, что Бронька взмолился:

— Долго ли там? Сымите! Неуж некоторый не может!

— Как не может! — откликнулся юркий Серёга. — Это что для нас? Это не тяжесть.

Его лохматенький чуб наклонился к ведру, руки в стороны разметнулись, закрепляясь на стенках сруба. Пить Серёга совсем не хотел, но стал пить, да с таким наслаждением, точно пять дней кормили его селёдкой. Напившись, взглянул на державших ворот ребят: как, мол, я, ничего? Убедившись, что ничего, решительно взялся за дужку.

— Это нам хоть бы хнэ! — заверил Серёга и, отделив от крюка ведро, вдруг почувствовал, как оно потащило его в глубину. Ладно, Бронька успел. Перехватил ведро и поставил его на мостки.

— Что? Умаялся?

Серёга заносчиво улыбнулся:

— А может, я понарошке? Может, я представлялся?

Но Броньке сейчас не до спора. По его загорелому лбу крадётся морщинка. Бронька думает над вопросом. А вопрос у ребят один:

— Куда, Варяг, воду-то?

Бронька смотрит на вёдра. Вода светлая в них, будто воздух. Скажи бы, что надо нести в огород поливать капусту и помидоры, — никто бы до вёдер не дотронулся. Потому и отвечает с намёком:

— У нас в огороде кадки. А в кадках рыбка живёт... Мишка, скажи!

— А то! — подтверждает Мишутка, краснея как рак от вранья.

Идут ребята с водой, и каждый завидует Броньке.

Живая рыбка! Это же надо! До чего догадался Варяг! И им бы такую рыбку. Почему бы и нет? Вот посмотрят сейчас у Броньки и у себя заведут.

За крыльцом острокрышего дома большой огород, весь зелёный от рослой ботвы картофеля, моркови и помидоров.

На крючьях вдоль крыши подвешен осиновый жёлоб. Под жёлобом кадки. Перед тем как вылить из вёдер воду, проверяют ребята рыбку: где, какая и быстро ли плавает? Но вместо рыбки в кислой воде жучки-плавунцы, водолюбы и водомерки. Возмутились ребята:

— Это как же, Варяг, омманул?

— Ничего-то не омманул! — разводит руками Бронька. Разводит растерянно, с непониманием. — Была рыбка-та, плавала...

— Давай сказывай сказки!

— Не вру! — отпирается Бронька. — Воно спроси у него! — И глядит с виноватой улыбкой на брата.

Взгляды ребят ожигают Мишутку. Взгляды крапивные, злые, какие бывают во время ссоры. Мишутка ссориться не желает. Мечет глазами туда, сюда и вдруг кивает в сторону бани, на её дощатом князьке сидит откормленный кот.

— Это он! Он рыбку-то слопал! Айда-ко имать!

Бегут ребят наперегонки. Кто бороздкой, кто прямо по грядкам, а Серёга, желая быть обязательно первым, — по аккуратненьким батожкам, по которым тянутся вверх помидорные стебли. Кот дожидаться, понятно, не стал. Царапнул по князьку и стрелой в сухую сурепку, густо росшую на меже.

— Утикал? — растерялись ребята. — Чего теперь-то, Варяг?

— Как чего! — улыбается Бронька. — Побежим на реку! Новой рыбки наловим! Кто за мной?

Все готовы за ним. Но не сразу. Бронька делает жест.

— Только вот чего, — говорит, — забыл, который из вас самый-то расторопный?

Откликается первым Серёга:

— Я, наверно! Меня дома мать даже грабли вон заставляла делать!

— Вот и ладно! — согласен с ним Бронька. — Нам та-

кие умельцы как раз и нужны! Ты, Серёга, нагонишь нас. Воду в кадцы как перельёшь — и нагонишь. Добро?

Серёга готов возмутиться. Впихнув руки в карманы коротких штанов, умоляюще смотрит на Броньку: дескать, я пошутил, никаких граблей я не делал.

Но знать об этом Бронька не хочет. Повернулся к нему спиной, на которой тотчас же тугим пузырьём вздулась клетчатая рубаха.

Огородом, кустами и пожней мчится Бронька к реке. Вслед за ним ребята.

Над рекой огромным лимоном висит июльское солнце. Ребята скидывают одежду и ныряют в густую воду.

— Хорошо как купаться, да?

— Попробуй! Вода-то тёплая!

— А и правда! Вода-то у-уй!

— Пойдём, забредём-те-ко выше!

— А под водой как добро!

— Во нырять-то!

— Я у самого донышка был!

— Ты, Бронька, озяб?

— Я — нисколько!

Совсем позабыли ребята, что пришли на реку за рыбой. Накупавшись до синевы, вспоминают об этом с досадой:

— Чего, Варяг, может, не будем ловить-то её?

Бронька стоит на коленках, дует в ползущий по щепкам огонь. Задохнулся от дыма, кашляет. Со слезами в глазах:

— Давайте не будем. В другой раз наловим...

Окружили ребята костёр. Суют в него палки и щепки и руки суют, пытаясь согреться. Огонь растёт, оплывает ступенями дыма. Мишутка, тряся подбородком от холода, предлагает:

— Може, домой?

Удивляется Бронька, смотрит на малого с интересом:

— Чего там не видел?

— Мне ести охота.

— А кто будет прыгать через костёр?

Мишутка конфузится:

— Я не пробовал. Я не умею.

— Куда ему, экому мухорёнку, — замечает с презрением Сано и переводит глаза на Броньку, — валяй лучше сам!

Броньку упрашивать дважды не надо. Отступил к межевому столбцу, разбежался, пронёс на плечах ворох дыма и искр и, весёлый, пахнувший знойным пожаром, прошёлся гоголем возле ребят.

— Твоя теперь очередь! Ну? — тыкнул пальцем в широкую Гошину грудь.

Гоше — что? Гоша — парень-рубаха. Думать долго не любит. Пролетел над костром — вид спокойный, ленивый, будто прыгал через канаву.

Бронькин палец направился к Сану. Сано мелко дрожит. На щекастом лице умоляющая улыбка.

— Нога чего-то болит. Вывихнул, что ли?

Из-за Бронькиного плеча мелькнул околыш красной фуражки, и Мишутка голосом бодрым, будто сделав открытие, говорит:

— А я знаю! Я знаю! От страха нога у него заболела!

Сано краснеет. Откладывая в уме мыслишку о том, как бы потом расквитаться с Мишуткой, он поворачивается к костру. Ножки его проворно мелькают. Перед самым огнём резво взрывают пепел и проносятся возле костра, над дымящейся головёшкой.

— Слабак! — заключает Серёга и тут замечает, как в плоский его живот упирается Бронькин палец.

— Покажи слабакам, как наши умеют!

Серёга с опаской глядит на костёр. «Экой огнище! Да на нём изжариться можно. Хотя бы разика в два поуже...» Серёга пробует улыбнуться. Улыбка жалкая и кривая.

— Ладна! — сказал с отчаяньем человека, попадающего в беду.

За костром, который он одолел с зажмуренными глазами, ощущает, как к нему возвращается прежняя смелость.

— Это что? Разве костёр?! — небрежно показывает ладошкой. — Мне бы разика в два пошире!

Соглашается Бронька.

— Можно и шире! — и командует ребятнёй, чтобы

тащили в огонь всё, что под руку попадёт, — щепьё, батошьё, наносные кряжики и хламйинник. Костёр раздвигается, рвётся стрелками вверх, плюётся алыми угольками.

И вдруг ребята оторопели. Забытый всеми Мишутка смело вбегает в огонь, теряется там, машет руками. Хорошо, хоть Бронька успел поймать за тугой козырёк милицейской фуражки и, вытащив из костра, хочет обнять его как героя. Но раздаётся тяжёлый топот. Бронька вскидывает бровями. Межой ячменного поля с грозно поднятым кулаком ступает побезжкой его отец.

— Демонята! Вон! Вон отседа! Чтoб духу вашего не было! А тебе, Бронька, вечером будет баня!

Отпорол бы вечером Броньку отец, да вступился за брата Мишутка.

— Я не дам! Я не дам! — закричал отчаянным голосом и встал перед Бронькой, раскинув руки.

— Ты чего? — потерялся отец.

Глаза у Мишутки сверкнули.

— Два раза спасал меня от самой неминуей!

— Это как? — попросил отец объяснить.

— Утонуть не дал третьего дня! А сегодня не дал сгореть!..

— Если так... — поразился отец, — если так, то дело другое... И всё-таки ты, — посмотрел сурово на Броньку, — сегодня со всеми за стол не сядешь...

Чтобы прийти помаленьку в себя, отец закурил папиросу.

ОПАСНОЕ ДЕЛО

Чтобы не было больше жалоб на Броньку, отец решил его брать с собой на объезд лесных кварталов. Туда же просится и Мишутка:

— Я тоже хочу! Я тоже!

Отец участливо улыбнулся.

— Ты на лошади ездить умеешь?

— Умею! Даве вон ездил с братанами на реку.

— А обратно вернулся пешком?

— Пешком, — понурился сын.

— Потому и взять не могу, что из лесу надо на лошади возвращаться.

— Но я хочу, как и Бронька, взрослой работы!

В разговор вмешалась бабушка Анна.

— Дам я тебе роботёшку! Есть у меня! Возле дома. Нелёгкая роботёшка, но думаю, ты совладаешь.

— Чего такое? Чего? — засмеялся Мишутка.

— Козу в заполье пасти! Заместо меня! А я той порой пойду ворошить в Хомоватики сено.

Согласился Мишутка утром, а к обеду уже пожалел, потому что понял: нет и не будет хуже работы, чем следить за рогатой козой.

Коза вредная. То, повиливая хвостом, убежит к межнику, за которым гряды с колхозной картошкой, то просунет рога в огород и, застряв меж жердин, заревёт, как ревут все дурные и глупые козы. Мишутка носится за козой как за демоном на копытцах.

Заслышав сухонький хряск, он улыбается облегчённо. На высокую изгородь огорода заползают братья Рычковы: Сано, младший, — в слезах, Гоша, как именинник, — весел.

— Новость, Мишка! — сообщает с радостью Гоша. — Санко-то сейчас малированное ведро утопил в колодце. Отец-от, знаешь, у нас! Исполосует, как зайца!

— И не жалко тебе?

Гоша сидит на жердине, болтает ногой.

— А чего растяпу жалеть! Да потом, он, знаешь, он — ябеда.

— А ты вор! Вор! Удочку у Серёги кто стибрил?

— Ах, удочку, говоришь? Да я счас! — Гоша спихивает брата с жердины, сам за ним в лопуховую заросль, плюёт себе на обе ладони и готов уже размахнуться, но Мишутка, хотя и мал, а встаёт перед ним.

— Ишь герой! Воюешь-то хорошо, да не там!

— Где? — требует Гоша. — Где, договаривай, коли начал?

— В колодце! Взял да ведро-то бы и достал!

— Скажешь тоже. Такой колодец!

Мишутка в школу пока не ходит, но писать мало-мальски умеет. Пишет щепкой на чёрной тропе.

— Читай, — говорит, поднимая глаза на Гошу.

Гоша читает:

— Трус.

— Это ты, — поясняет Мишутка.

Гоша в споры вступает обычно с ровнёй. А тут — малолеток, и он глядит на Мишутку с холодной усмешкой, как сильный на слабого, не унижая себя до ругательских слов.

Но рядом с ним возникает Сано.

— А ты чем лучше его? — спрашивает Сано Мишутку, и серые глазки его чуть блещут, чуть щурятся, чуть угрожают. — Коли не трус, так валяй и достань!

— Эко дело! — смеётся Мишутка. — Достал бы запросто, каб не коза. Куда деваюсь-то с ней?

В самом деле: куда? Братья в тягостном размышлении. Гоша щупает зуб, норовя расшатать его, если он вдруг поддастся. Сано тайно чему-то рад. Неожиданно предлагает:

— А давай твою козу-то! Чего? Подержу, так и быть.

— У-ю-юй! — удивлённо моргает Гоша. — Ну-да брателко у меня! Как, полезешь теперь?

Понял Мишутка, что дал он маху. Но отступить было поздно.

— На-а, — пододвинул к Сану рогатую козу и поспешил наизволок к отводку, за которым виднелись крыши деревни.

На скуластом личике Сана — тайное торжество. Лучше нет для него забавы, чем сманить кого-нибудь на плохое или опасное дело. «Неуж полезет в колодец? — с украдкой думает он, волоча за собой бородатую козу. — Никуда, поди, не полезет. Вот уж где посмеюсь...»

В прогоне, почуяв родное подворье, коза повела шеей вбок, уронив завизжавшего Сана.

— Мишк! Она во-он какая! Ещё удерёт...

— Надавало мне вас! — Мишутка плюётся. — Счас. — И дворовой тропой бежит к себе в дом. Обратно выходит с куском пирога.

— Биля! Биля! Биль!

Билия метнулась к крыльцу. От крыльца — за Мишуткой, к поленнице дров. Её белая мордочка вот-вот схватит пирог.

— Не сразу, Билия! Не сразу!

Мишутка кладёт на поленницу доску, взбирается вверх. Оттуда на крышу сеной. Коза на жёлтых тугих копытцах — тук, тук, тук — по доске. Забежать с покатою крыши сеной на крутой скат хором ни для Мишутки, ни для козы труда большого не составляет. И вот оба они на дощатом князьке. Дальше некуда подниматься. Мишутка суёт в желтозубую пасть кусок пирога. Билька трясёт бородой, очень довольна.

— Вот теперь тут и стой!

Мишутка на корточках, будто с горки, соскользнул по крышам во двор. Удивляются братья:

— А она не свалится?

— Коли свалится — подберём.

Гоша спрашивает с восторгом:

— Тебя, Мишк, отец-от чего? Не стегает, что ли?

— Не хлещет ремнём-то? — добавляет и Сано.

— У кого ныне не хлещут! — отвечает Мишутка. — Только я не даюсь!

Всю дорогу, пока идут до колодца, Сано зыркает на Мишутку. «Неуж ни капельки не боится?» — думает про себя. Повернув к нему долгонькое лицо, Мишутка язвительно говорит:

— Завидуешь, что ли?

Сано смущён.

— Не... Я так...

— Сбегай-ко лучше по доску. Вон лежит у ворот.

Доску братья тащат к колодцу. Закрепляют её. На душе у Мишутки тоскливо. Он косится по сторонам. Но вокруг никого. Весь народ на покосе. Он с тревогой смотрит в колодезный сруб. Там, внизу, на чёрном квадрате лежало маленькое лицо. «Это я!» — догадался. Снизу повеяло подземельем.

— Всяко цепь-то не оборвётся, — сказал неуверенно Гоша.

И Сано сказал:

— Железная, не должна б...

Мишутка схватился за тонкую цепь. Посмотрел на братанов. Те, не выдержав взгляда, опустили глаза. «Кто-нибудь бы остановил», — обречённо подумал Мишутка.

Доска под ногами качнулась. Вместе с ней и Мишутка качнулся. Захотелось немедленно крикнуть: «Стойте, робя! Ведь я пошутил!» Но вместо этого приказал:

— Раскручивай! Да живей!

Доска потянула его за собой. Слева и справа брёвна сопревшего сруба. На них паутина, плесень, грибки. А вон и печальный, с усами, весь в жёлтых точечках жук. Жук, тряся хоботком, упорно лез вверх, пробираясь, видимо, к свету. Мишутка вздрогнул. Чтобы немножко себя подбодрить, посмотрел снизу вверх на братьев. Показались они смешными.

— Эй, вы там! — прокричал.

А кричать ему было не надо — сорвался ворот.

— Ви-ви-ви! — вскрикнул Сано и, отпрыгнув назад, как сдаваясь в плен, поднял руки.

Гоша глазками, как ножами, резанул его по лицу.

— Наза-ад!

Но ворот рванулся, вскинул Гошу на рукоятке, разорвал рубаху и майку и, швырнув на мостки, затрещал развиваемой цепью.

Пугаться Мишутке некогда было. Навстречу метнулись ветер, сумерки и вода.

А сверху, на мокрых мостках лежал распластавшийся Гоша. Поднимаясь, заметил Сана. Тот бежал, прижимаясь к забору, и тоненько-тоненько подвывал.

— Догнать! Свалить! Излупить! — приказал себе Гоша и рванулся в погоню за братом. За почтой, где развевался полотняный флаг, Гоша услышал козье бляенье. Остановился. На крыше крайнего к полю дома увидел ревущую Бильку. И лесника дядю Колю увидел. Тот, перегнувшись, чуть касаясь ладонями крыши, мелким шажком подбирался к козе. Вот он резко к ней наклонился, взял в охапку и начал спускаться назад. Гоша услышал:

— погоди! Вот придёшь домой! Ну да будет! Ну да повертишься под ремнём!

Сердце у Гоши забко заныло. Хуже не было наказания,

чем идти сейчас к леснику говорить о беде. Но идти было надо. И Гоша пошёл.

— Дядя Коля! Мишка у вас в колодец свалился!

— Чего мелешь? Чего?

— Скорей, дядя Коля! Может, ещё и не утонул...

Лесник встал, застигнутый жуткой вестью. Коза скользнула из рук, скатилась во двор по гремящим поленьям. И дядя Коля скатился. И тут же тяжёлой побегой, не помня себя от беды, припустил вниз деревни.

Вот и сруб. Заглянув в колодец, лесник увидел чёрную клетку воды. Из неё желтоватым цветком выступала детская голова.

— Э-э, Мишуня! Как там?

— Студёно! — отозвался Мишутка.

— Сейчас потащу. Удержаться-то сможешь?

— Что я, бессильный?

Сухо, россыпью, как дресва под подошвой, затрещала на ворота цепь. Забирая на руки мокрого сына, лесник увидел привешенное ведро. Снимая его, возмущённо спросил:

— Чё? Рычковых? Это ты из-за них?

— Не жалуйся, папка! Не надо! Отец у них, знаешь. Да потом я их сам напугал. А пугать-то было нельзя...

Над дорогой, струясь и ласкаясь, плыл нагретый солнышком воздух. Вместе с воздухом плыл на руках у отца и Мишутка. Было ему так уютно, так просто, так беззаботно, точно он и не падал в колодец, а всё сидел и сидел у отцовской груди, наполняясь теплом и покоем. Однако пала на ум коза, и он затужил. «Неужто и завтра её стечёт?»

— Пап, — сказал, — купи скорее корову.

— Куплю. Вот скопим за лето деньжат, и куплю.

— А пока не купите — что? Мне всё козу пасти?

Глаза у отца мягкие, синие, как из ситца. Взглянул на сына, словно погладил.

— Не-е, хватит! Коза тобой не особо довольна. Уж лучше дадим тебе новое дело. Какое хочешь-то, а?

— Которое веселей!

В соседнем проулке раздался звук палки, глухо бухнувшей по крапиве. Мишутка увидел смущённого Гошу, а даль-

ше за ним с опущенной головой и виноватого Сана. Припомнился малый, завертелся в отцовских руках.

— Пусти! Смотрят! — и скользкой рыбкой юркнул в траву.

— Завтра пойду клеймить для рубки колхозный лес! — промолвил отец. — Пеший пойду. Хочешь, возьму и тебя?

Мишутка весело согласился:

— Я циферки буду писать на деревьях! — И, покосившись на братьев, добавил: — А можно взять с собою ребят?

— Мне-ка не жаль. Да боюсь, они не пойдут.

— Это как? — удивился Мишутка и, выставя руку перед собой, стал вымахивать ею круги.

Братья словно этого только и ждали. Подбежали. На плотных, скуластых лицах испуг, растерянность и вина.

Мишутка спросил:

— Завтра с нами лес окольцовывать пойдёте?

— Пойду! — улыбнулся счастливо Гоша.

— А ты?

— Возьмёте, дак как! — улыбнулся и Сано.

— Меня они слушаются, — поведал Мишутка отцу, отойдя подальше от братьев. — Захочу, и другие ребята пойдут...

За ближним овсяным полем слышались голоса. Мишуткина мама! И разговаривает с Никитой. Оба идут с работы домой. Мишутка схватил отца за пиджак.

— Ты не сердись на меня?

— Не сержусь.

— Тогда не сказывай мамке. Не говори, что я падал в колодец.

— А чего сказать-то тогда? Ты вон сырущий какой!

— Ты, как маленький. Всё-то надо тебя учить. Скажи, что я в лужу упал.

Отец погладил Мишутку по голове.

— Уж лучше скажу, что ты рыбу ловил. Не удочкой, правда, а носом. Эдак будет верней...

Мальчик доволен. Доволен шуткой отца. Доволен, что видит Никиту и маму. Доволен тёплым вечером и что

видит крыльцо родимого дома, а на крыльце бабушек Анну и Александру и вертоватого Броньку. Все трое сидят в зелёном и пышном вьюнце, срывают мягкие шишечки хмеля.

Предвечерие. Усики света сквозь тучу. Теплынь. Пахнущий хмелем струящийся воздух. Лица самых родных, самых близких людей, которые вдруг оказались все вместе. Наливается сердце Мишуткино кроткой любовью. Он глядит и не может никак наглядеться на бабушек, братьев, отца и мать, на медленный ход вечеряющих туч, на широкие тени домов, на обманчиво-мягкую гривку далёкого леса, за которым сторожко, как зверь, пробирается низкое солнце.

КУКУШЕЧКА НЕ ПОЕТ

От жары, от тяжёлой работы лето так уморилося, что охнуло на весь луг и, сладко зевая, завалилось на свежую кошенёну. Отдыхает. Заботы отложены до утра. С высокого неба проверяюще-зоркой поглядкой смотрят на землю июльские звёзды. Что поделано за день? Много? Мало?

На озёрных, речных и болотных покосах стоят осанистые стога. Сколько их? Звёзды пытаются сосчитать. Однако не могут. Слишком много стогов. Хорошо сегодня работало лето.

Медленно и лениво поднимается лето с постели лугов. Взмахнуло лето правой рукой — зацокали по опушкам ранние клёстики и зарянки. Взмахнуло левой — побежал, обивая росу, травяной ветерок.

Работники лета — кто с вострёной косой, кто с граблями, кто с вилами — спешат прокладывать в травах прокосы, шевелить отсыревшие за ночь валки, навивать на остожья пласты шуршащего сена.

Никого не обделит лето работой. Даже малых ребят. По тропинкам, по бороздам, выбрав самый короткий путь, спешат к родителям девочки и парнишки. Квас несут, холодное молоко, пироги, овощную окрошку.

Полдень. Зной. Притихли тракторы и косилки. Примо-стился народ на отдых. Кто у речки. Кто меж кустов. Кто возле высокого стога. Мишутка лежит в тени крупнолистной берёзы. Рядом отец. Обмерив взглядом залитую солнцем пойму, сын с удивлением замечает:

— Как тихо, даже кукушечка не поёт.

— А она, — отвечает отец с улыбкой, — ячменным колосом подавилась. Теперь не услышишь её до другого лета...

Пригласулось Мишутке ходить с отцом. Сегодня с ним в лес, где у отца основная работа. Завтра в луга, куда отцу нельзя не идти, потому что рабочих рук не хватает в колхозе, отец же умеет косить, как никто. Многому Мишутка научился за это время. И загребать в копёшки ломкое, с запахом дёгиля сено. И сбивать из жердин высокий стожар. И ездить с граблями на паре гнедых, подбирая вдоль поймы просохшее сено. Но больше всего по душе Мишутке, что научился ездить в ночное.

Зелёные сумерки. Тишина. Звёздное небо. Костёр. Мишутку манит уйти в потёмки, что затаились в надречных деревьях. И он уходит, благо не терпится посмотреть на табор косцов из невидного места.

Затерялся Мишутка в листве, как в ночи медвежонок. Осторожно и зорко глядит. Вон костёр. Он похож на печального жеребёнка, который скачет на дальний зов матери-кобылицы. Скачет на чёрных копытцах, весь увитый, закрученный шёлковой гривой. Рядом с ним по тёмной воде золотится его отражение. А поодаль — волокна тумана, которые движутся над рекой, над осокой, над белоталом.

Возле костра воронье потёмки, вдали же, на севере — отблеск зари. Разносятся скрежет железа — однообразный и долгий, словно кто-то старательно точит зазубренный нож.

Костёр разгорается ярче. Сыплются искры. При свете огня видны фигуры людей. Похоже, что люди не нашего века, настолько они необычны среди потёмок, возле огня и воды.

Возвращается малый к костру. Отец приготовил ему пиджак, расстелив его на телеге. Засыпает Мишутка мгновенно.

Открывая глаза, вздрагивает от мысли, что он проспал артельный подъём. Небо охвачено пылкой зарёй, в глубине которой, как в алом омуте, плещется сонное солнце. Меж кустов, по полянам, белея рубахами и платками, ступает бригада косцов. А по открытому надбережью движется тройка каурых с косилкой, оставляя в травах долгий прокос.

Разгорается утро. Растаял надречный туман, погасла в травах роса, приумолкла в шиповнике славка. Но костёр всё горит и горит. Мишутка топчется возле огня. Сделав рупором руки, привстал на цыпочки:

— Папка! Завтрак на сколько людей готовить?

Тройка каурых остановилась. Над сиденьем косилки поднялся высокий лесник.

— На всех! — прокричал, и голос его, подхваченный ветром, поплыл-полетел, веселя и радуя косарей.

ДО СВИДАНИЯ, ГУСИ!

Берёзовый лог. Листья вверх. Листья вниз. Они светят и утром, и днём, и в полночь. Солнце сегодня тусклее и ниже, но оно ещё греет и даже бодрит. И под лучами его уютно-уютно, как при бабушкиной улыбке.

На склоне древнего лога, что круто уходит к реке, в мохнатых аленьких шляпках стоят волнушки. Раздаётся пронзительный голос Мишутки:

— Собирай, ребята! Воно их сколь! Целое войско!

Под косогором, сквозь зелень кустов синее вода. Над Сухоной, в зарослях острой травы качает головками чёрный рогоз. Слышен всплеск.

Над рогозом, над верхом кустов, над берёзовым логом

взмыло стадо гусей. Серокрылые, крупные, они поднимаются вверх — в глубину сквозного синего неба. Поднялись и летят, построившись в острый угол. Летят торжественно, величаво.

Мишутка отставил корзину, забыл про грибы. Глядит на дружную стаю и чувствует, как в груди у него беспокойно колотится сердце. Улетают гуси на юг. На целую осень. На целую зиму.

С Мишуткиных губ слетают слова:

— До свидания, гуси! Мы будем вас ждать! Мы встретим вас на зелёном майском угоре! Встретим вместе с полкой водой на реке, вместе с листьями на берёзе.

КОМБАИН С ПИРОГАМИ

Целые дни пропадает Мишутка на воле. До всего ему есть интерес. Подойдёт к мужикам, которые строят ворота у нового дома.

— Что, Михайло? — крикнут ему. — Поплотничать, поди, хошь?

В глазах у Мишутки блеск зависти и восторга.

— Топора-то али дадите?

— Как же экому мужику не дать! На вот, бери!

Большой мужицкий топор блестит на солнышке, будто рыба. Разик Мишутка теснёт по бревну да разик и мимо. Остановят его:

— Хватит, буде, и поработал.

— Как бы не так! — обидится малый. — Какие вы быстрые...

— Дак устал ведь, поди?

Мишутка рукою махнёт. Махнёт не просто так — с особенным смыслом. И добавит с достоинством:

— Я тяжёла-та не боюсь.

Снова тюк да потюк. Того и гляди перерубит себе обе ноги. Мужики уже силой отымут топор. Приосердится малый, пойдёт от них прочь. Пойдёт тихо, покачливо, будто плот под его ногами.

— Куда пошёл-то? — окликнут его.

Мишутка нехотя обернётся:

— В поле. Куда ещё.

— Вона. А мы-то думаем, отчего это ты идёшь, как по пшенишному зёрнышку. Хлеборобить, выходит, будешь?

Мишутка расстроено:

— Где-то надо работать.

Не скоро Мишутка в поле придёт.

Всё ему дивно, всё любопытно: и то, как белобородый дед Александр чистит от сажии трубу на крыше, и то, как молодки в пёстрых платках снимают с заборов половики, и то, как весёлый копщик Никифор ищет заступом жилу воды. К одному подойдёт, ко второму. Да ещё заявит при этом:

— Дай поработаю я!

В поле всё же всего интересней. Васильки на меже, запах кашки и целое плёсо хлебов. Ветер ходит по ним, а Мишутке уж мнится, будто это не поле, а стадо кобыл, у которых жарким огнём развеваются гривы. Вскоре подъедет на алом комбайне дядя Кондрат.

— Чего глаза-те разёл? — крикнет сверху.

Отвечает Мишутка как первый работник:

— Хочу хлебов покосить!

— Сумлеваюсь: сумеешь ли?

— А чево... Я вон даве и брёвна отёсывал с мужиками.

— Ну, ежели брёвна...

Две ладони улягутся на штурвал. Вздрогнет комбайн, покачнётся на комьях и, срезая жаткой колосья, заторопится споро по кругу.

Вверху огромной шляпой гриба мухомора краснеет трясущийся зонт. От него, как от каменки в бане, шибает жаром.

Ячмень раздвигается вправо и влево, был внизу — и не стало, точно кто-то невидимой тайной рукой убирает его с дороги.

Мишутка желает понять, где бы было лучше ему: то ли на драночной крыше, спускать в пасть трубы обвитую тряпкой фунтовую гирьку, то ли землю копать под новый колодезный сруб, то ли здесь, на высоком мостике агрегата убирать молодые хлеба? Он глядит на покрытое пылью лицо комбайнера и вдруг заносчиво говорит:

— Хитрова мало в твоём комбайне!

Удивлён комбайнер:

— Неужто всё уже понял?

— А то! — отвечает Мишутка, показывая на бункер. — Знаю: здесь зёрнышки копят.

— Верно, зёрнышки. А ты бы чего хотел?

— А я бы хотел, чтобы печка стояла.

— Ишь ты! И чтобы печка бублики выпекала?

— Можно и пироги! Проголодался, дверцу открыл — ешь себе сколько надо.

— Доброе дело! Только нету таких комбайнов.

— Нету, так будет! Дай только школу окончить. Построю такой! С пирогами знаешь как хорошо работать!

— А есть у меня! — говорит хлебобоб и догадливо достаёт узелок, в котором пшеничные караваши. — Ну-ко узнай! Да не глазом, а зубом: не такие ли он выпекать-то будет? А, Михайло? Комбайн-от твой с печкой?

— Наверно, такие! — решает Мишутка, впиваясь зубами в пшеничный пирог.

На подбородке у малого белые крошкИ. Он сыт и готов работать теперь до жёлтых потёмок. По колосьям плывёт то огромная тень, то река искристого света. Небо синее, с белыми облаками. Слышно урканье автомашины. Мишутка предполагает:

— Это что? Машина-та к нам?

— К нам, — говорит комбайнер, — зерно от нас заберёт. Сердце у малого, будто пойманный в горсть кузнечик, так уж скачет, так скачет.

— А я комбайн-от придумаю, так машина не с кузовом будет ездить, а с хлебным фургоном. Прямо с поля хлеб повезёт в магазины. Каково, дядя Кондрат?

— Шустёр ты, Михайло! Шустёр, фантазёр!

Над землёй пригретый приветным солнцем склоняется синий северный полдень.

В шорохе листьев, грае ворон и гуле комбайна слышна походка позднего лета.

— Я, как в годы войду, начну комбайн с печкой строить. Всех людей накормлю пирогами!

Наклоняется дядя Кондрат к Мишутке, спрашивает его:

— Може, домой?

— Ни за что! Я выносливый! Буду с тобой до конца!

И действительно выстоял малый весь день возле дяди Кондрата. Поизмаялся, запылится, но задор не иссяк.

Комбайнер высыпает в кузов машины последний бункер зерна. Мишутка спрашивает с надеждой:

— Ещё-то пожнём? Поработаем?

Но хлебобоб заглушает мотор.

— Нельзя. Обвёлгли колосья. Будут потери.

Спустившись с комбайна, они не спеша ступают домой. В воздухе бродят то тёплые, то с холодком и свежинкой струйки ветров, которые гладят по волосам, словно ласко-

вые ладони. Вокруг, куда ни посмотришь, всюду солома. Она шуршит на граблях. Она веет по воздуху. Она скрипит под ногами. Она стоит в пирамидках, копнах и скирдах. Ею загружены волокуши.

В глазах у Мишутки вспыхивает лучик гордости за всё, что он сделал сегодня с дядей Кондратом. А сделал он много. Старался и за себя, и за тех, кто состарился и не может, как он и дядя Кондрат, много работать в поле. На какую-то долю минуты позабывает Мишутка о том, что он ещё мальчик. Позабывает и мнит себя взрослым, очень ответственным человеком за настоящий и будущий хлеб. Потому-то он, шурясь от солнца и пыли, стоял на мостике целый день. Сегодня стоял. И завтра будет стоять. И долгий день будет казаться ему коротким, а в груди народится забота, что мало успел, что надо всё-таки больше. И досадно ему оттого, что роса упала на землю так рано.

Возле калитки, прощаясь с дядей Кондратом, Мишутка с волнением говорит:

— Не тот ли хлебушек мы косили, какой сеяли по весне?

— Тот самый, Михайло.

— Завтра снова приду, — обещает Мишутка, — я видел, как ты работал, и всё запомнил. Хочу теперь сам.

ЩЕГОЛЕК

Наутро проснувшись, Мишутка сразу же бросился за порог. Бабушка Анна еле его поймала.

— Ты куда?

— В поле!

— Не, не.

— Баб, отпусти. Я буду рулить на комбайне.

Бабушка пальцем грозит.

— Сиди дома. Игрушек-то эво сколь! Забавляйся, знай. И мне спокойнее будет.

— Тогда дай конфету! — требует внук.

Бабушке Анне конфеты не жаль. Но конфета надолго ли? Пять секунд — и уже в животе.

Снова Мишутке нечего делать. Возникают хозяйственные вопросы:

— Ты козу-то подоила?

— Подоила.

— И овец выпустила?

— Выпустила.

— А самовар наставляла?

— Гли! — бабушка тычет зажжённой лучиной в самоварную горловину. Лучина падает вниз, шипит и вдруг, тоненько пискнув, гаснет. — Самовар-то давнышний, весь издых, — жалуется она.

Мишутка желает бабушке пособить.

— Дай мне две денежки, — говорит. — Я тебе куплю взаправдашный самовар.

— Ладно, Михайлушко. Вот мамка с папкой придут с работы, мы у них и попросим.

Мишутка малость повеселел. Зашептал про себя: «Мамка с папкой, дедко с бабкой...» И вдруг застыл от нового любопытства.

— Баб, а тебе без дедка-та худо?

— Худо, челядко! Дедко-то был та ещё удалина! А щеголёк-от какой... — Бабушка хотела продолжить, но внуку немедленно надо узнать:

— И подарки тебе дарил?

— Дарил. Было такое. Было да сплыло. Теперь уж мне никто не подарит...

Успокоился мальчик. Залез с ногами на жёлтую лавку. Отворил в огород окно. Бабушка тут как тут:

— На грядку не вывались! Э-э, пострел!

Страхи бабушкины смешны. Усмехнулся Мишутка как взрослый:

— А вывалюсь, дак чего?

— Как чего? Ремнём настагаю.

Не очень-то малый этому верит. В жизни никто его не стегал и стегать, наверно, не будет. Мишутка заулыбался:

— Я кошек не боюсь! Я цыган не боюсь! А ремня и давно не испугаюсь!

Сказалось у малого слишком храбро, потому он с робким страхом стал сторожить: чем на это ответит старушка? Но старушка — ни слова. Оглянулся Мишутка назад. Никого. Улезла, видно, за чем-нибудь в голбец.

Потянул с реки травяной ветерок. В переплёт окна заскребла высокая ветка малины. Мишутка выполз на подоконник. Пальцы — щуп да щуп — по листе. Но листва, как назло, откачнулась. Мишутка за ней. Восторженно шепчет: «Ага! Попалась!» И чувствует вдруг, как его голова, будто камень, быстро-быстро падает вниз. Растянулся Мишутка на грядке. Непонятно ему: то ли жив он, то ли убится? Шевельнул ногой, шевельнул второй, видит: в руке отломленный стебель малины, а на коленке крапивный волдырь. Вспомнился бабушкин строгий наказ — не вываливаться на грядку. Померещилась сразу морщинистая рука, в которой болтается гибкий ремень. «Настегает!» — понял Мишутка и быстро, словно мчались за ним собаки, побежал к огородным задам. За ним скошенный луг. Чуть подальше куртинка зелёного леса. «Убегу туда! Там никто не найдёт...» По тропинке Мишутка бежит, раскраснелся, вспотел.

Показались ольховый куст, за ним берёза и несколько ёлок. Почему-то Мишутка решил: «Там, поди-ко, волки живут». Обошёл Мишутка жуткое место. Снова выйти хочет на тропку. А её будто кто куда-то упрятал. Заметался между кустов. Целый час, наверно, метался. Изнемог. Упал в густую траву. Прижался щекою к земле, улыбнулся и крепко заснул. Просыпаясь, увидел сквозь ветви деревьев посадки Высокой Горки. Под горлом у мальчика защемило. Захотелось скорее домой. Побежал. Перед самой деревней, возле дороги нарвал пригоршню пшеничных колосьев.

Дома бабушка встретила строгим попрёком:

— Где хоть ты был-то?

— В поле, бабушка, бегал! Вот! — И быстро из-за спины протянул ей букетик колосьев. — Ты чего говорила-то утром? — На лице у Мишутки играла улыбка. — Говорила: подарки тебе никто не подарит. А я взял да и подарил. Щеголёк ведь я, да? Чем хуже дедка-та Епифана?

Спорить бабушке поздно и бесполезно. Согласилась она:

— Щеголёк. Завлекательный щеголёк, — и, вспоминая старое время, увидела как наяву молодого, рослого Епифана, который шёл вдоль межи ей навстречу, неся на руках пожинальный сноп, каким открывалась в деревне осенняя жатва.

ПОСРЕДИ ВСЕЛЕННОЙ

Проснулся Мишутка глубокой ночью. Не знает и сам: почему? Словно кто-то его позвал. А куда позвал — неизвестно. Малый выбрался на крыльцо. Потом на дорогу. А там в недалёкое поле спелых овсов. Стал внимательно слушать.

Трава ли звенит? Звёзды ли над землёй? Ни то, ни другое. Уливаются нежными голосками метёлки светлых овсов и, качаясь под ветром, держат между собой доверительный шёпот.

Улыбается мальчик, будто ему приоткрылась заветная тайна. Улыбается и глядит в пределы полей, где видит позднюю позолоту от звёзд, от луны, от овсов, от слетающих с веток листьев.

Вся земля утонула в тускнеющей позолоте. За деревню уходит дорога. Она золотая и похожа на свежевывитканный половики, который заботливо расстелили через всю равнинную Русь.

Пятистенки стоят на угоре, словно высокие пароходы, вот-вот готовые тронуться в путь. Пахнет ботвой картофеля и овсами.

На болоте, как капля в воду, падает голос встревоженной птицы.

Светло, грустно и беспокойно глядеть в просторы заснувших полей и на высокие хороводы мигающих звёзд, ощущая при этом полёт родимой Земли.

Летит Земля посреди Вселенной, самолучшая среди звёзд и планет. Самолучшая потому, что на ней мать, отец,

братья, бабушки и родная деревня. Где ещё есть всё это? На какой неоткрытой планете?

В голове у Мишутки толпятся вопросы. Один за другим. Завтра первое сентября, в школу его проводит нарядно одетая мама. В школе Елена Платоновна. Она, говорит отец, ответит теперь на любые вопросы. Для того ответит, чтоб стал Мишутка всезнающим человеком, самым умным и грамотным на земле.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Мило-дорого	5
У родного крыльца	10
Скатерть на болоте	13
Мишуткина звезда	14
Сильные крылья	16
Удалец	20
Подснежники	25
На солнечной ветке	30
В золотых очках	31
Рогатое чудо	32
Ягоды на снегу	33
Елочка	34
Просужанко	36
По сосновые шишки	40
Старый и малый	45
За лесным мяском	50
Грачи над дорогой	55
Вражок	62
Утро Родины	66
Живой	67
Впереди волны	75
Летние забавы	81
Опасное дело	88
Кукушечка не поёт	96
До свидания, гуси!	98
Комбайн с пирогами	100
Щеголёк	103
Посреди Вселенной	106